

Вангелия
Василевска

ОСТРОВ

сезонът

Часть первая

Злейший Враг номер один

Бывают дни везучие, бывают грустные. Этот день был ужасным.

Ещё в пятницу Оля Найдёнова шла с любимой подругой Талей Малковой и рассуждала: как это некоторые девочки могут сидеть за партой с мальчишками.

— Я бы ни за что с мальчишкой не села! — говорила Оля.

— И я, — подтверждала Галя.

— Я бы лучше заболела, чем с мальчишкой сидеть, — продолжала Оля.

— И я бы заболела.

Но прошло лишь четыре дня, и сегодня, во вторник, 20 января, Оля оказалась за одной партой с мальчишкой.

К тому же — со своим Злейшим Врагом номер один, Максимом Михеевым.

Любимая подруга Галя Малкова за воскресенье переехала в новый район, на другой берег Невы.

Оля сама помогала подруге носить книги с пятого этажа без лифта во двор к фургону. Дверь в квартиру была распахнута, входящие не вытирали ноги и громко топали. Грузчики вынесли шкаф, диван, обеденный стол.

А потом забралась любимая подруга в кузов, усадили её между стульями, с торчащими вверх ножками, и лицо у Гали стало тоскливым.

Дёрнулась машина и увезла навсегда из Олиной жизни любимую подругу.

Пришла Оля в понедельник в класс и почувствовала, как ей одиноко.

«Буду сидеть одна», — решила она.

Не могла она представить, чтобы кто то другой посягнул на Галино место.

Но ведь посягнул.

Сел, развалился, словно с первого класса это была его парта. Разложил свои локти.

Стоило учительнице произнести:

— Максим, ты будешь сидеть с Олей.

И Злейший Враг номер один оказался рядом.

С отвращением Оля смотрела на каракули в его тетрадях. Ведь у Гали с Олей были лучшие почерки в классе. С ненавистью глядела она на какие-то непонятные географические карты, которые он постоянно рисовал на уроках, шмыгая носом.

«Не хочу его замечать, не буду с ним разговаривать», — решила Оля.

Наваждение

(Или то, что было давно)

Деревенский кузнец Андрей Степанович и жена его тётя Анюта шли вдоль железной дороги. Впереди дымила огромная куча искорёженных вагонов.

Утром фашистские самолёты разбомбили поезд. Днём подвезли к месту аварии вагоны с ремонтниками и санитарями. Санитары погрузили раненых, наспех захоронили убитых, ремонтники очистили пути, отбросили остатки вагонов в стороны. Теперь здесь было пусто.

А муж с женой пришли из ближней деревни разжиться железом для кузницы.

— Изверги, ну изверги! — повторял Андрей Степанович, обходя дымящиеся груды. — Сколько имущества порушили, людям жизнь оборвали!

Ничего полезного для кузницы здесь не было. Жена уже собралась звать мужа домой, но вдруг за ближними кустами услышала странный голос.

— Баю-бай, баю-бай, спи, мой мальчик, засыпай, — запел высокий куст голосом женщины.

— Посмотри, кто там! — прошептала испуганная жена. — Наваждение какое-то!

Куст уже плакал голосом ребёнка, а когда Андрей Степанович шагнул к кусту, закричал вдруг злобным хриплым басом:

— Держи вора! Держи вора!

А потом scomандовал совсем иным голосом:

— Лечь в дрейф! За морем смотреть!

— Сила нечистая! — жена перепугалась всерьёз. — Пойдём, оставь, пойдём домой.

Андрей Степанович подобрал на всякий случай толстую палку и сделал ещё два осторожных шага.

А куст опять плакал голосом ребёнка.

— Кто тут представление выказывает выходи! — приказал Андрей Степанович.

Из куста никто не показывался, лишь раздался странный свист да очередной хриплый выкрик:

— Держи вора! Держи вора!

— Говорю тебе, пойдём! — звала жена.

Но муж не послушался. Он придвинулся к кусту ближе и вдруг вскрикнул:

— Да птица же это! Ну и птица!

— Какая птица?

— Попугай, я такого в Питере на квартире у господина инженера встречал.

Муж наклонился к кусту, потом снова повернулся к жене:

— И ребёнок здесь. Мальчик... Небось с поезда...

Услышав о ребёнке, к кусту заспешила жена.

Куст образовывал небольшую пещеру из веток и листьев, туда и заполз ребёнок. А рядом с ним сидел попугай.

Серая птица ростом с ворону к ребёнку не подпускала. Она угрожающе щёлкала тяжёлым клювом и выкрикивала:

— Держи вора! Держи вора!

— Что делать-то будем? — спросила жена. — Ребёнок застудится на сырой земле. Надо его взять в дом, может, придут за ним со станции.

Муж снял с себя пиджак, ловко набросил на птицу. Лишь тогда жена сумела взять ребёнка на руки.

Это был мальчик, лет двух с половиной, в городских штанишках и курточке. Он прижался к жене кузнеца и тихо заплакал.

Пиджаком мужа тётя Аня укутала ребёнка, и они понесли его в деревню ближней тропой через лес. Попугай кружил над ними, перелетая с дерева на дерева, продолжая злобно выкрикивать:

— Держи вора! Держи вора!

Несколько раз он пикировал на тётю Аню, пытался клюнуть её в голову. Муж с трудом отгораживался от него веткой.

— Птица дорогая, не зашибить бы! — приговаривал он при этом.

Ребёнка внесли в дом, попугай залетел следом. Тут он, видимо, понял, что мальчику плохо не сделают, уселся на спинку стула и успокоился.

Все мальчишки — противные

В первом классе некоторые девочки даже дружили с мальчишками. А к третьему стало ясно: все мальчишки — противные.

И отличник Лорин, и двоечник Авдеевский были одинаковы, потому что были мальчишками. С ними нехотя, небрежно здоровались, а чаще проходили мимо, их не заметив.

В перемены мальчишки носились по коридорам. У них были свои игры и свои тайны.

Девочки спокойно гуляли по двое, по трое или стояли у окон.

Максим Михеев был тогда как все, просто противным, ни врагом, ни другом. Злейшим Врагом номер один он стал в этом году, первого сентября.

Первого сентября Оля вышла из дома в белом переднике. Этот передник они с мамой недавно купили в магазине. Оля сама его гладила накануне, сама отпаривала платье, пришивала манжеты. Утром под весёлую музыку по радио она надела передник с удовольствием такой он был яркий, белый и наглаженный этот передник!

Впереди по улице шёл Максим Михеев, но она не окликнула его, даже и не подумала догнать.

Потом была стройка, забор, лужа с грязной маслянистой водой. Поперёк лужи лежали доски. Когда Максим встал на доску, из под неё полетели брызги — прямо на Олин передник. Ужасные ржавые пятна расплылись на ярко-белом переднике.

Оля даже лицо закрыла от горя. Рядом топтался Максим и бубнил:

— Я нечаянно, Найдёнова. Я больше не буду.

— Дурак! — сказала Оля.

Что толку, что он нечаянно обрызгал её этой грязью. Ей теперь стыдно идти по улице! Только что она тихо гордилась тем, какое всё на ней новое и наглаженное, и даже проходя старушка ласково на неё оглянулась. А теперь она не знала, куда спрятаться.

Ей стыдно было стоять на торжественной линейке, и она встала за спиной Гали Малковой.

И по школьному коридору ходить было стыдно.

А Максим Михеев сбегал к знакомому восьмикласснику. Тот достал из шкафа в кабинете химии какую-то прозрачную жидкость в пробирке.

— На, не реви, — сказал Максим, торжествуя, протягивая ту пробирку, любую грязь счистит.

В тот момент Оля ещё не плакала. Она заплакала позже.

Когда они вместе с Галей Малковой полили рыжие пятна на переднике жидкостью, материал стал съедиваться, потом на нём появились мелкие дыры. Мелкие дыры постепенно объединились в большие.

— Это он специально, чтобы поиздеваться над нами, — говорила любимая подруга, стараясь хоть как-то успокоить плачущую Олю.

Теперь Оля не просто плакала, она громко рыдала. Грязный передник она сама бы выстирала и разгладила. А этим, с огромной дырищей, можно было лишь пол мыть, больше он ни на что не годился.

Оля сняла его с себя за дверью на лестнице и засунула в урну.

После школы любимая подруга пошла вместе с ней домой, чтобы рассказать Алиной маме всё как было.

А Максим Михеев стал с тех пор её Злейшим Врагом номер один.

Кушать подано, милостивый государь!

(Или то, что было давно)

Вечером Андрей Степанович и тётя Анюта затопили печь, нагрели воды и вымыли мальчика в большом цинковом тазу. Городскую его одежду жена постирала и повесила сохнуть. А мальчика закутала в свою новую юбку и посадила на постель.

Попугай сидел на спинке стула и спокойно на всё смотрел. Иногда прикрывал глаза и

задрёмывал.

Но едва тётя Анюта принесла чугунок с картошкой, он сразу оживился, скосил голову, взглянул на Андрея Степановича и проговорил басом:

— К столу, ребята, к столу!

Помолчал немного и теперь уже женским голосом объявил:

— Кушать подано, милостивый государь!

Андрей Степанович очистил ему картофелину, подул на неё, потом поднёс на щепке к клюву. Попугай принялся отклёвывать от картофелины большие куски, торопливо проглатывал их. Видно, сильно изголодался.

Жена по-прежнему смотрела на попугая боязливо.

— Может, к курам его отправим? Пусть поспит с ними...

— Попугай — птица особая, его с малолетства приучают жить при людях, — ответил муж.

Мальчика они тоже накормили. И на конец все легли спать.

Орлик

(Или то, что было давно)

Раньше всех встала жена. Едва светать начало, она пошла готовить корове пойло, курам корм собрать.

Потом проснулся попугай. Он походил по спинке стула, на которой спал всю ночь, почистил клюв и объявил строгим голосом:

— Граждане, воздушная тревога! Граждане! Воздушная тревога!

— Спи спокойно, — посоветовал ему Андрей Степанович.

Но попугай в ответ завыл. Противно и громко, как выли сирены на городской фабрике.

Из коровника с подойником в руках прибежала жена. Она встала у двери, с ужасом вслушиваясь в вой попугая.

— До чего довели, проклятые, — муж кивнул на птицу, — даже живность замучили.

Наконец попугай замолчал, потоптался на спинке и серьёзно объявил:

— Отбой воздушной тревоги.

— Лучше бы сказал, как мальчишку зовут, чем сиреной выть, — посоветовал ему Андрей Степанович.

Жена же ещё долго приходила в себя.

— Отдать его надо. Отнесём в сельсовет, а там пусть делают с ним что хотят.

— Это ты верно сказала, — подтвердил муж. — В сельсовет мы сходим и с мальчишкой вместе. Может, кто им уже интересуется, ищет.

— А если не ищут? — с надеждой спросила жена.

— Как же так — человек пропал, а его не ищут?

— А вот так: не ищут, да и всё. Я пол ночи не спала, мечтала, чтобы он у нас остался.

— Что ж, и оставим. Будет у нас сынок, — ответил муж то ли в шутку, то ли всерьёз.

Мальчик уже проснулся и пытался что-то рассказать.

— Дядя, дядя, бух! бух! — повторял он.

— Про вчерашнее вспоминает, горемычный, — догадалась жена.

Попугай тоже посмотрел на мальчика и сказал нежно, женским голосом:

— Баю-бай, баю-бай, спи, мой мальчик, засыпай.

— Ты, Орлик, перепутал. Не спать, а вставать самая пора. Дела делать, укоризненно заметил ему Андрей Степанович.

— Какой же он тебе Орлик? — удивилась жена. — Сам же говорил: попугай.

— Орлик он и есть — и не орёл, и не курица, или там воробей.

Так у попугая появилось новое имя.

Собака Айка

В соседней квартире жила шотландская овчарка — колли. Конечно, собака не сама по себе жила, была у неё и хозяйка, Вера Давыдовна, — жена капитана дальнего плавания. Капитан постоянно находился в своих дальних плаваниях. Соседке было скучно одной ждать его, она и завела щеночка.

Оля, когда училась во втором классе, любила играть с пушистым щенком.

С тех пор весёлый щенок вырос в крупную рыжую собаку с длинной головой и лохматым хвостом.

Оля два раза в неделю носила Айке кости и остатки обеда. Иногда Вера Давыдовна болела, и Оля выводила погулять Айку на поводке.

Айка редко лаяла, а кусаться ни с того ни с сего никогда бы не стала. Но не которые прохожие не догадывались об этом и боялись, если Айка шла без намордника. Поэтому Оля носила намордник в руке.

В этот вечер соседке опять нездоровилось, и Оля вывела Айку гулять.

Они побродили по двору, а потом вы шли на улицу Рубинштейна. Улицу Рубинштейна соединяет с Владимирским проспектом узкий переулок. Туда и повела Оля Айку. Там совсем не ездили машины и редко ходили люди.

Её обогнали трое мальчишек. Они громко смеялись и толкали друг друга.

Айке это не понравилось, ей во всём нравится порядок, она повернулась к мальчишкам и два раза на них гавкнула.

Мальчишки на минуту притихли, а Оля решила подождать — пусть они пройдут.

И тут навстречу им появился Максим Михеев.

Двое мальчишек толкнули на него своего длинного приятеля. Максим попытался обойти их, но они преградили ему дорогу.

— Чего толкаешься? — спросил самый низенький из мальчишек ужасно нахальным голосом.

— Я не толкаюсь, — услышала Оля.

— А кто толкается? Мы, что ли? — засмеялся низенький.

Максим не ответил и снова попытался их обойти, прижав к груди книгу, завёрнутую в газету.

— Стой! — приказал низенький. — Проси прощения.

Максим Михеев молчал.

— Проси, говорят, прощения! У него проси, — низенький показал, указывая на длинного. — Целуй ему кулак.

— Ты чего? Мне не надо, — растерянно проговорил длинный и на всякий случай спрятал руку в карман.

— Нет, надо, — железным голосом проговорил низенький. — Длинный, дай ему кулак, а он пусть поцелует. Тогда простим.

«Хоть бы какой-нибудь взрослый прошёл мимо!» — подумала Оля.

Но переулок был пуст.

Максим Михеев продолжал угрюмо молчать.

— Будешь целовать? — с угрозой спросил низенький. Он вдруг вырвал у Максима книгу и ударил по ней ногой. Книга отлетела в сторону, Максим бросился за книгой, но низенький на книгу наступил.

— Целуй кулак длинному.

И тут началась свалка. Все трое навалились на Максима. Он упал, его шапка покатилась по асфальту.

Этого Оля стерпеть не смогла. Вместе с Айкой, которая громко лаяла, она подбежала к мальчишкам.

Мальчишки испугались, оставили Максима и побежали по переулку к Владимирскому. В руках у низенького Оля увидела книгу и в ту же секунду спустила Айку. Айка, волоча поводок, с лаем бросилась вслед за мальчишками.

Мальчишки домчались уже до Владимирского проспекта, где шло много прохожих, но на углу Айка схватила низенького за рукав. Низенький прижался к стене, вскрикнул и выронил книгу на асфальт.

— Я не буду больше, не буду, — повторял он противным ноющим голосом. — Я пошутил.

Оля скомандовала Айке «фу», и та отпустила руку мальчишки. Оля нагнулась за книгой, обернула её газетой как следует, стряхнула с газеты грязь и пошла с Айкой назад. На

низенького ей даже оглядываться было противно.

Но что странно — Максима в переулке не было.

Оля шла к своему дому, не переставая хвалить Айку.

— Умница, хорошая собака, — повторяла она.

И Айка, наверное, всё понимала, потому что заглядывала в лицо Оле и с удовольствием размахивала хвостом.

Андрей Степанович

(Или то, что было давно)

С виду Андрей Степанович был не старым, только хромал слегка — однажды целились ему из винтовки в сердце, а попали в ногу.

Молодым подался он из деревни, от родного дома, в Санкт-Петербург. А там как раз начинали строить чудо инженерной мысли — Охтинский мост через реку Неву. И Андрей Степанович, а тогда могучий молодой красавец, стал рабочим на том строительстве.

Петербургские барышни, привстав с колясок, обожали смотреть на работу молодого парня, на силушку его молодецкую.

Потом, когда началась Первая мировая война, взяли парня на фронт, стал он артиллеристом. И тут, если лошади не поспевали или гибли под шрапнелью, впрягался он и ворочал орудие не хуже коня боевого. Тогда и ударила его пуля в колено. Однако он ещё повоевал и в Гражданскую войну.

Но однажды, перед самым последним боем, встретился ему односельчанин и рассказал, что отец да мать у парня померли с голоду, а дом стоит пустой, бесхозный.

Выстрелило орудие в последний раз, выбросил парень горячую латунную гильзу, щёлкнул пушечным замком, сел у лафета на траву и призадумался.

«Что же это я? Деревенский корень мой пресекается, а я с войны в город пойду?»

Съел парень в последний раз кашу у костра со своими боевыми товарищами, забросил мешок за спину и отправился в родную деревню. А пока шёл он к своему дому, бесхозная его изба и вовсе сгорела. Осталась стоять почерневшая печь.

Бродил растерянный парень среди обгорелых брёвен, разгребал ногами угли и с трудом узнавал родное место.

В это время из соседнего двора вышла девушка, назвала его по имени отчеству — Андреем Степановичем. Погоревала вместе с ним о его родителях, о сгоревшей избе, сказала, что в тот день была на поле, иначе бы уследила, не допустила пожара. Сказала ещё, что кое-какое хозяйство от избы она сберегла, хранила для Андрея Степановича.

Пытался узнать её парень, да пока она не сказала своего имени, так и не узнал бы. Была она когда-то Анюткой, соседской десятилетней чумазой девчонкой, а теперь выросла в красавицу с большой косой и синими глазами.

У Анюты родителей не было уже не сколько лет... Пригласила она Андрея Степановича к

себе в дом. Стали они мужем и женой.

А потом у них родился сын. Тоже был красивый и бравый парень. Да погиб на границе в перестрелке с врагами за год до нынешней войны.

Потому так тётя Анюта и обрадовалась, когда подобрали они городского мальчику.

«Спасибо»

Книга была старинная, напечатанная на толстой желтоватой бумаге, с древними буквами, из которых Оля знала только «ять». Таких старых книг Оля ещё не видела.

«Читать ему больше нечего, что ли?» подумала Оля про Максима.

Утром она пришла в школу раньше Максима, положила книгу в парту на его место и вышла в коридор.

Скоро мимо прошёл Максим. Она сразу отвернулась от него к окну, как будто не заметила,

На уроке они по-прежнему сидели не разговаривая.

Оля незаметно заглянула к Максиму в парту — книги не было. После перемены она полезла за учебниками в своё отделение и нащупала листок бумаги. Листок был вырван из тетради в клетку. Написано было лишь одно слово «спасибо».

Оля была не настолько глупая, чтобы не догадаться,

кто это написал ей «спасибо» и за что.

Первый бой

(Или то, что было давно)

Андрей Степанович и жена его тётя Анюта собирались поехать в город только через неделю — отвезти мальчику и ценную птицу. Картошку надо было выкопать, пока тёплая погода. А то ещё налетит заморозок.

Но потом оказалось, что в городе уже фашисты. Об этом сказал им раненый молодой командир. Выходил он из вражеского окружения, опирался на палку да на плечо своего бойца. Андрей Степанович положил их спать на сеновале. Внизу корова жила, а над нею на толстых жердях хранилось сено.

Ночью бредил раненный в ноту командир, разболелась у него рана, утром лишь ненадолго пришёл в себя, метался на сене, скрежетал зубами.

— Сам видишь, не ходок он, — сказала тётя Анюта бойцу, сидевшему в растерянности рядом с командиром. — Выбирайся к своим один, а мы твоего командира на ноги поставим, спрячем, если что.

— Без командира мне дороги отсюда нет, — ответил боец.

— Тоже верно, — подтвердил Андрей Степанович.

Так и прожили два дня командир с бойцом над коровой на сене, никому не показываясь. А на

третий день пришли в деревню два фашиста.

Дом кузнеца Андрея Степановича был крайний, даже чуть на отшибе, они и зашли к нему. Возможно, фашисты отстали от своих, потому что были очень голодными. Сразу стали на Андрея Степановича с тётёй Анютой кричать, размахивать автоматами.

Хозяин ещё с Первой мировой кое-какие немецкие слова помнил и расслышал в приказах фашистов «эссен» и «милх», что значило: «есть» и «молоко».

С автоматами, готовыми к выстрелу, громко топая, с грязными ногами, они вошли в комнату, испугали ребёнка, рассердили попугая.

Андрей Степанович понял: ещё минута и они потребуют показать хозяйство и наткнутся на спрятанных бойцов. Он подошёл, улыбаясь, к старшему фашисту, хитро подмигнул ему и поманил за собой во двор. Тот тоже подмигнул в ответ и, заинтересовавшись, отправился за хозяином. Автомат со складным железным прикладом он забросил за спину.

Андрей Степанович вывел фашиста за угол, всё так же подмигивая и улыбаясь, а там схватил заготовленный заранее тяжёлый кол и с размаху опустил фашисту на голову.

Тот как стоял — так и упал.

— Вот тебе и вся Россия, — проговорил старик.

Он деловито оттащил врага за ноги в крапиву, автомат его сунул между поленьев и пошёл за вторым.

Также улыбаясь и подмигивая, Андрей Степанович выманил и его. Правда, тот был более недоверчив, что-то спрашивал по дороге, а дойдя до угла, и вовсе остановился, нахмурился. Тогда Андрей Степанович, продолжая улыбаться, широко развёл руками, как бы рассказывая о чём-то большом, что ждёт его за углом.

Фашист решился, пошёл следом и через минуту всем телом упал на землю.

— Трофеи от первого сражения, сказал Андрей Степанович, с гордостью подняв автоматы на сеновал, где лежали не подозревавшие об опасности боец с командиром. — Второго боя ждать не будем, уйдём на новую позицию.

Новой позицией он назвал Никишкину заимку.

Прыжки в высоту

Опять у меня прыжки в высоту не получаются! — сказала за ужином Оля маме и папе. — Надо метр, а я только восемьдесят сантиметров беру.

— Нашей семье грозит тяжелейшая неприятность — мама по телевизору выступает, отец — тоже ничего себе, а у дочки — тройка по физкультуре. Надо помочь, — сказал отец.

Никогда нельзя понять — шутит он или говорит всерьёз.

Муж маминой подруги был мастером спорта и работал в бассейне. После ужина мама позвонила ему по телефону, а утром в воскресенье они поехали в плавательный бассейн.

Оля любила ходить с мамой и папой.

— Когда с мамой идёшь, вся улица на тебя смотрит, — шутит папа.

Казалось бы, на маме одежда самая обычная, а люди на неё часто оглядываются. Сколько раз Оля слышала тихий разговор в троллейбусе:

— Киноактриса какая-нибудь, смотри, какая красивая!

И Оля знала — это про маму. Ей хотелось оглянуться с гордостью. А мама не оглядывалась. Оля даже удивлялась: если бы её так разглядывали, она бы и ходила, и разговаривала, и всё-всё делала бы по-особенному. А на маму уже сколько лет так смотрят, но она тех взглядов и шёпота будто не замечает.

Только никакая не киноартистка она, а реставратор, ремонтирует разные старинные дворцы. Про маму и её дворцы даже по телевизору рассказывали.

Вот и сейчас — едва они вошли в трамвай, как двое мужчин сразу встали, что бы предложить места маме.

— Спасибо, — ответила, улыбаясь, мама, — давайте лучше посадим пожилого человека и женщину с маленьким ребёнком.

Мама всегда так поступает, а папа тихо посмеивается.

Тренер встретил их у входа в бассейн.

Папа отдал ему свёрток с Алиной спортивной одеждой и сказал, что они зайдут за ней через час.

Когда она переоделась, тренер провёл её в спортивный зал. Сначала они позанимались разминкой. Потом тренер посмотрел на её неудачные прыжки, покачал головой, поставил планку в два раза выше, так что Оле вытянутой рукой было не дотянуться, и показал, как надо прыгать.

Оля разбегалась, торопилась, но перед самой планкой сбивала темп, путалась. И получалось, что она не столько вверх отталкивается, сколько назад.

А тренер бежал легко, не спеша, а над планкой он даже не летел — парил.

Они стали прыгать по очереди тренер и Оля. Наконец Оля прыгнула на восемьдесят сантиметров, и тренер поставил восемьдесят пять.

Оля и их взяла.

Тренер поставил девяносто.

Такую высоту Оля никогда не перепрыгивала. А сейчас разбежалась спокойно, оттолкнулась резко, взлетела и уже в воздухе почувствовала, что взяла опять.

— Молодец, Оля. Сделай ещё прыжок, чтоб закрепить победу, и одевайся — час прошёл.

Оля даже удивилась. Ей казалось, что они только-только начали заниматься.

Но закрепить победу она не сумела.

Опять засуетилась, плохо оттолкнулась и едва не свалила стойки.

— Устала. Приедешь ещё раз и будем прыгать выше, — сказал тренер.

Никишкина заимка

(Или то, что было давно)

О Никишкиной заимке в деревне мало кто знал, потому она и называлась заимкой, что стояла отдельно от деревни. Некоторые считали, что её вовсе нет, что это всё выдумки бабок, чтобы детей пугать.

Дорога к заимке появлялась лишь в начале зимы по малому снегу. А в другое время была тайная тропа среди болот. Сначала лес, потом болота, потом сухой сосняк, а там — большая поляна, заросшая мелколесьем, с кривой избой да сараями.

Когда-то на том сосновом острове среди болот основал свою заимку Никишка. Что это был за человек, если за хотел жить отдельно от людей, теперь никто не знал: может, он сбежал от злого помещика, а может, — от людского суда. Лишь одно знал Андрей Степанович — был Никишка хозяином добрым, строил крепко. Уж и память о нём растаяла, а в доме его до сих пор можно было жить, если крышу подправить.

Собрал Андрей Степанович пожитки и пошагал первым. За ним тётя Аня с городским мальчиком да с попугаем, которого посадили в посылочный ящик, а ящик укутали тёплым платком. За ними — боец с командиром. Командиру после лечения травами стало легче. Медленно, с остановками, но идти он мог. К вечеру вывел Андрей Степанович свою команду на Никишкину заимку.

Кое-как подправили они крышу в доме и стали жить. Андрей Степанович вместе с бойцом каждый день ходили в деревенскую свою избу — и постепенно подполье с картошкой в деревенском доме пустело, а на заимке наполнялось. Даже корыто для тёти Аняты перенесли, даже корову перевели по болотной тропе.

А однажды Андрей Степанович привёл на заимку сразу шестерых бойцов. Они уже давно шли из окружения и заблудились в здешних лесах.

— Принимай, лейтенант, под свою команду. Теперь у нас всамделишный партизанский отряд.

Сначала Андрей Степанович и тётя Аня называли ребёнка просто мальчик, дитя.

— Иди, деточка, сюда, — говорили они.

Ведь у ребёнка было уже имя, только они его не знали, оно как бы временно затерялось.

— Человеку без имени жить нельзя, сказал командир. — Меня, например, зовут Семён. И уж на Федота я не откликнусь. Назовите мальчика Колей — красивое имя. У меня друг недавно погиб в бою, Николай, мой командир.

Так и называли они ребёнка этим именем. И по отчеству — Николаевичем.

Фамилия для этого случая подходила Найденовы.

— Николай Николаевич Найдёнов — звучит! — говорил Андрей Степанович. У попугая новое имя уже было — Орлик.

Партизанский отряд

(Или то, что было давно)

Отряд скоро стал большим — человек под семьдесят. Добавились другие бойцы, шедшие из вражеского окружения. Некоторым деревенским жителям нельзя было оставаться дома — они тоже ушли в лес. Андрей Степанович перевёл и их на заимку.

Они построили тёплые землянки. Отбили у фашистов обоз с зерном, картошкой и коровами, отнятыми у местных жителей.

Приходили партизаны с боевого задания, намёрзнувшись в лесу, рапортовали командиру и спускались в землянку, где жили Коля Найдёнов, попугай Орлик и тётя Анюта.

Около них душа и отогревалась. Попугай научился от них новым словам и часто докладывал вошедшим:

— Товарищ командир, ваше приказание выполнено!

А потом добавлял:

— Смерть фашистским оккупантам!

Однажды партизаны привели с задания тощего человека в изодранной одежде. Человек рассказал командиру, что сбежал из фашистской тюрьмы, просил принять в отряд, чтобы драться с врага ми. Его накормили кашей, дали место в землянке, повели к тёте Анюте, чтобы та помогла починить одежду.

Лишь увидел попугай нового человека, расшвирился, стал махать клювом и кричать:

— Держи вора! Держи вора! Как дам!

И тут же добавил:

— Смерть фашистским оккупантам!

— Это же свой, наш новый товарищ, — успокаивали партизаны Орлика, но попугай свирился все больше, пытался клюнуть в голову нового человека, пришлось тому выйти из землянки.

— Поговорю-ка я с командиром, — сказал Андрей Степанович тёте Анюте. — Конечно, смешно птицу слушаться, да не пожалеть бы потом...

— Ты присматривай за этим новым человеком, лейтенант, — посоветовал Андрей Степанович, когда они остались с командиром вдвоём. — Сам я ничего худого сказать о нём не могу, но животные — они более чуткие к тайной злобе, чем мы с тобой. Всем доверяет Орлик, а ему — нет.

И решил командир испытать того человека. Послал его с заданием в дальнюю деревню. А следом троих партизан, чтобы наблюдали, как он себя поведёт.

Человек всё сделал, что приказывали, только на обратном пути свернул к дороге и в дупло кривой приметной берёзы забросил спичечный коробок.

Посмотрели партизаны, что в коробке — а там подробный план, как выйти к Никишкиной заимке, где какие землянки, где штаб и где находятся партизанские секретные посты.

Поняли партизаны, что человек этот фашистский шпион, и что не зря командир послал их за ним наблюдать.

— Стой! — закричали ему.

Но шпион побежал по дороге в сторону города. А тут как раз ехала машина с тремя

фашистами в кузове. Шпион замахал им руками, машина остановилась. Фашисты спрыгнули вниз с автоматами на изготовку. Из кабины вышел недовольный офицер. Шпион крикнул им что-то по-немецки. Партизаны первыми открыли огонь — шпиона надо было обезвредить обязательно.

Всё это рассказал командиру молодой парень — единственный оставшийся в живых после боя. Он собрал с убитых фашистов оружие и документы, машину поджег, похоронил двух своих товарищей и всю ночь шёл по лесу к отряду.

— Спаситель наш твой Орлик, — сказал Андрею Степановичу командир. Не он — мы все бы могли здесь полечь. Человека за такое дело награждают медалью, а птице... что же — лично объявляю благодарность.

После того случая партизаны ещё больше полюбили попугая.

А был Орлик в эту зиму совсем не красавцем. Перья у него вылезли, наверно, витаминов не хватало, да солнца! Остался лишь на голове хохолок. Попугай сидел в землянке на специальной жёрдочке, тощий, с голой синеватой кожей и учил городского мальчика, Колю Найдёнова, разговаривать.

Первым словам Коля выучился у попугая.

Был Коля уже не городским мальчиком, а партизанским. Один партизан, в мирной жизни сапожник, сшил ему сапожки. Из трофейной офицерской шинели сделал ему тёплое пальто. Даже шапка-ушанка, была у него со звёздочкой.

Завидев командира, Коля Найдёнов, как и все партизаны, прикладывал руку к шапке, здоровался:

— Здравия желаю!

Вывих

В понедельник преподаватель физкультуры объявил:

— Прыгаем на отметку.

Оля считала, что она ещё успеет натренироваться, а тут сразу — отметка.

— Каждому три попытки, — сказал учитель.

Оля смотрела, как одна за другой прыгают девочки, и переживала. В классе привыкли, что у неё не получается с прыжками. Но сейчас она побежала и уже во время разбега знала, что прыгнет. И прыгнула!

— Молодец, Оля! — обрадовался учитель. — Четвёрка твоя. Теперь кто хочет на пятёрку?

Оля тоже встала в группу желающих пятёрку. Учитель взглянул на неё с удивлением и сказал:

— Ну, настойчивая!

И снова она побежала, но получилось это не так ловко, как в первый раз. Она от толкнулась изо всех сил, но задела планку, а главное — неуклюже упала на левую ногу. Нога подвернулась, и сразу стало так больно, что до стены было не дойти.

— Я сейчас, сейчас! — сказала Оля. — Можно снова попробовать?

Она ещё верила, что через минуту боль пройдёт и у неё всё получится. Но боль не проходила, даже сильнее стала, и она испугалась.

Учитель тоже испугался.

Он посадил её на низенькую скамейку, сказал всем, чтоб сидели тихо, а сам побежал в канцелярию вызывать по телефону «скорую помощь».

Девочки помогли ей одеться. А потом приехала «скорая», Олю положили на носилки и понесли по школьному коридору. Как раз началась перемена, и все ученики в коридоре смотрели, как Олю несут на носилках. И ей было так неудобно — спрятаться куда-нибудь подальше хотелось от такого внимания.

Учитель физкультуры тоже сидел рядом с ней в «скорой помощи», тяжело вздыхал, качал головой и бормотал:

— Как же это я допустил?

В травматологическом пункте ей сделали рентген, определили, что кость цела, только сильный вывих, наложили гипсовую повязку.

Учитель отвёз её на другой «скорой помощи» домой.

Он открыл Олиным ключом дверь, отвёл Олю к дивану и сказал:

— Лежи смирно, а я в школу побегу, успокою директора.

Теперь Оля лежала одна и представляла, как придёт с работы мама и удивится, увидев любимую дочь лежащей на диване с ногой в гипсе.

Как удивилась мама, Оля не увидела, потому что заснула.

Мирная жизнь

(Или то, что было давно)

Два года жили с партизанами мальчик Коля Найдёнов, попугай Орлик, дед Андрей Степанович и бабушка Аня.

А потом фашистов погнали, можно было вернуться в деревню. Только на месте деревни дымились сожжённые дома да стояли заросшие огороды.

Поэтому первый год жили снова в землянках.

От командира отряда иногда приходили письма. Был он уже не партизаном, а командовал батальоном, освобождал от врагов другие города и деревни. А к концу войны, когда брали Берлин, полком командовал.

Началась мирная жизнь. Андрей Степанович сначала ждал с боязнью, что вот-вот приедут незнакомые люди и заберут у них внука с попугаем Орликом. Скажут: «Спасибо вам, что вырастили нашего сына и редкую птицу подержали». Но люди такие не появлялись.

На всякий случай он сам написал письмо в город. Оттуда пришел ответ: «Об утерянном ребёнке никто не спрашивал. А если трудно его воспитывать, отдайте в детский дом,

государство его воспитает».

— Что ещё выдумали! — сердилась бабушка Анюта. — И куда мы его не отдадим.

Так мальчик стал деревенским. Летом он играл вместе с другими ребятами, и всюду летал за ним верный попугай. А если начинались между ребятами ссоры и Колю могли обидеть, Орлик грозно кричал:

— Держи вора! Как дам!

Клевался он больно, во второй раз обижать Колю никто не хотел.

Потом Коля Найдёнов пошёл в школу.

В тёплую погоду попугай летал за ним следом. Иногда влетал в окно и усаживался в классе. На уроках рисования он был наглядным пособием — ребята рисовали его с натуры.

Коля вырос, его уже многие Николаем звали, а попугай по-прежнему считал его ребёнком и пел иногда по вечерам нежным голосом:

— Баю-бай, баю-бай, спи, мой мальчик, засыпай.

— Это ведь он голосом матери разговаривает, — шептала бабушка Анюта деду Андрею Степановичу. — А ну как живы его родители, да не догадываются, горемычные, где искать!

Поэтому после окончания школы отправили Колю Найдёнова в Петербург, учиться в заводском училище.

— Не пропадёт, — утешал жену Андрей Степанович. — Я уходил в город — не пропал, а Коля наш весь в меня.

Была у старика и тайная мысль: вдруг произойдёт чудо, и Коля сам встретит в городе своих родителей. От этой мысли становилось Андрею Степановичу страшно.

Ведь порвётся навсегда их деревенский корень и не будет наследника у их рода. Но с другой стороны, гордился Андрей Степанович, глядя на внука. Николай вырос большим, красивым и умным. Встретит своих родителей — стыдно перед ними старику со старухой не будет.

Сначала они думали попугая оставить в деревне. Сделали ему специальную клетку. Но Орлик так кричал, стонал и бился о стены клетки, что Николай не выдержал, взял его с собой.

Так и приехал в Петербург, в заводское общежитие — с чемоданчиком и большой клеткой, а внутри — попугай.

Были в его душе страх и радость. Страх оттого, что начиналась новая, непонятная жизнь. А радость — от того же самого, от ожидания нового.

Максим

Если бы Максиму сказали, что Оля называет его Злейшим Врагом номер один, он удивился бы. Он знал, что у девчонок бывают непонятные капризы: вдруг из-за пустяка перестанут разговаривать, а то ещё и заплачут, потом снова разговаривают и снова ссорятся.

Ну обрызгал он ей передник первого сентября, так ведь не специально же — она сама видела.

Когда его посадили рядом с Олей, он и не опечалился и не обрадовался.

Не опечалился оттого, что раньше сидел с беспокойным Урьевым. Тот постоянно крутился, вздыхал, причмокивал, спрашивал о какой-нибудь ерунде. А с Олей можно было сидеть тихо и думать о своих делах.

Не обрадовался — оттого, что и Оля тоже была человеком, с которым о своих делах и мыслях разговаривать не станешь.

А дела и мысли были у Максима серьёзные.

Увлечение Максима

Максим увлекался путешествиями по Арктике и Антарктике.

Он мог нарисовать по памяти карты полярных морей, островов и прочертить по ним походы великих исследователей. Маршрут Нансена, пока тот дрейфовал на «Фраме», И потом, когда шёл пешком по льдам через океан с Йохансеном. Пути Седова, де Лонга, шхуны «Мод», дрейф наших полярных станций мог изобразить он в любое время, рассказать о каждой нечаянной остановке, о загадочной гибели некоторых экспедиций, о великих открытиях и героических поражениях...

Не верилось, что два года назад Максим был обыкновенным человеком, без увлечений, без мечты. Тогда в библиотеке он читал то, что под руку попадало, что предлагала библиотекарь.

Пробовал марки собирать — скучно.

Солдатики делал из пластилина, как все мальчишки в их классе, — тоже надоело. Да и куда этих солдатиков понесёшь, не домой же?

Дома было плохо. Дома не хотелось жить.

У каждого человека есть первое воспоминание. Первым воспоминанием Максима была ссора матери и отца. Наверно, они ссорились и до его рождения — каждый день ссорились, по любому пустяку, яростно и со вкусом.

Однажды Максим прочитал о профессии социальных психологов. Эти люди испытывают членов космических экипажей и дальних экспедиций на совместимость, чтобы не было потом ссор и распрей.

Отца и мать Максима вместе не взяли бы ни в один экипаж. И всё-таки уже пятнадцать лет они живут одной семейной командой, в одной комнате, ежедневно ссорятся, но команда не распадается.

Однако существовать в такой команде тяжело, и Максим старался больше жить на улице, а не дома.

Постепенно он открыл немало потайных мест. Даже в собственном доме на собственной лестнице было такое место. Выше их квартиры пылились лишь одни заколоченные двери, потому что жильцы, которые жили выше, поднимались с другого входа. Стоило пройти два лестничных пролёта, сесть на широкий подоконник у жаркой батареи — и вот уже и наблюдательный пункт и место для чтения.

Дождливый холодный день

Открытие Арктики для Максима началось два года назад в одно обыкновенное воскресное утро.

Его прогнали с тайного подоконника трое взрослых, которым потребовалось говорить о чем-то своём, сидя именно на этом подоконнике.

На улице шёл противный монотонный дождь, но дома у родителей ссора была в самом разгаре, и Максим бродил по улицам в промокших ботинках и сыром пальто. Будто специально, все его потайные места в этот день были кем-нибудь заняты. Он совсем замёрз от дождя и ветра, когда шёл по небольшой площади мимо церковного здания с высоким каменным крыльцом. То, что там не церковь вовсе, а Музей Арктики и Антарктики, Максим знал давно — сколько раз мимо ходил. Но у него и мысли не было зайти в музей. Он бы и сейчас не пошёл, если бы не замёрз, если бы не увидел, что широкая дверь музея приоткрыта.

«Зайду, погреюсь», — подумал Максим.

Он вошёл и тут же наткнулся на строгого старика в огромных валенках.

— Куда ты? А билет купил? — спросил старик.

Максим смутился. О билете он забыл, а денег не было. Он уже хотел повернуться и выйти снова на дождь. Но старик посмотрел в пустой музейный зал, взглянул на мокрое лицо Максима и махнул рукой:

— Заходи, только тихо там, смотри.

Так Максим впервые очутился в музее, где теперь ему было знакомей, чем в своей комнате. Он вошёл тогда в полутёмный зал, а старик затопал валенками к стулу, уступив место настоящему контролёру.

Старик был в этом музее смотрителем.

Смотритель

Только сейчас, в музее, Максим понял, как он замёрз.

Он ходил по залам и, задирая голову, глядел на одномоторный самолёт-амфибию с лыжами. Самолёт мог сесть на лёд, а мог и на воду. Потом останавливался у палатки, героической — папанинской, впервые в истории человечества поставленной на Северном полюсе. Потом у макетов знаменитых ледоколов. Правда, в те минуты ему было всё равно, где стоять, где ходить — лишь бы скорее согреться. Он заметил в нише батарею, но тепло оттуда шло едва-едва.

Он слышал, как куда-то, снова громко вздохнув, протопал в своих валенках старик, потом в зал спустились по лестнице двое смеющихся людей и пошли к выходу. Но Максиму было не до них.

Он продолжал трястись от холода, дрожь эта шла изнутри, и её было никак не остановить.

Неожиданно сзади него оказался старик. Он положил Максиму на плечо руку и проговорил тихо:

— Пойдём, парень, чаю с халвой попьём?

Максим ещё не успел отказаться, а смотритель его уже легонько подталкивал:

— Пойдём, пойдём.

Так они познакомились.

Смотрителя звали Матвей Петрович. Они сидели в маленькой комнате за столиком, друг против друга, рядом стоял чайник, халва, сушки, две чашки в красный горошек. Они размачивали сушки в горячем чае, и Матвей Петрович учил Максима пить чай из блюдца.

Нынче совсем отвыкли от блюдца, все из чашек пьют, а из блюдца теплее чай, потому что пар лицо согревает и душу.

Максим и в самом деле стал согреваться. И не хотелось ему никуда уходить из этой узкой комнаты, где только диван, шкаф да столик. Сидеть бы так в тепле да прихлёбывать чай из блюдца в красный горошек.

— Ты, Максим, в музей ради интереса пришёл или от безделья какого? — спросил смотритель.

И Максим испугался: вдруг старик рассердится и выгонит, если сказать, что погреться.

— Ради интереса, — выговорил он с трудом.

— Ну-ну, ты не смущайся. Интерес штука великая, с него все мировые открытия идут, — успокоил его старик.

В музей вошла группа молодых солдат, их привели на экскурсию, и Матвей Петрович пошёл на пост. А Максиму велел сидеть в комнате, доедать халву и читать книгу Нансена, если он в ней что-нибудь поймет.

Книга называлась «"Фрам" В Полярном море».

Максим не догадывался тогда, что с этой книги начиналось увлечение Арктикой у многих знаменитых полярников, он просто открыл её и стал читать предисловие.

И узнал, какой великий человек этот Нансен.

Великий Нансен

Сначала Нансен решил пересечь ледники Гренландии на лыжах.

Многие называли его сумасшедшим: в центре этой огромной заледеневшей земли никто никогда не был и не знал, что там находится. «Нансен мог бы найти более лёгкий способ самоубийства», писали газеты. Но мало кто знал, что молодой учёный-зоолог был чемпионом по лыжам в своей местности и умел предусмотреть в пятнадцать раз больше случайностей, чем могло произойти.

С несколькими товарищами он высадился на пустынном берегу Гренландии.

По другую сторону земли лежало селение эскимосов. Нансен достиг селения через полтора месяца, опоздал к последнему пароходу в Европу и остался у эскимосов на зимовку. Лишь в конце мая он прибыл на родину, в Норвегию. Его провожали как безумца, а встречали — как героя.

Теперь он стал готовиться к новой небывалой экспедиции. На специально построенном судне он решил подойти к полярным ледяным полям, вморозить корабль и вместе со льдами дрейфовать по Северному Ледовитому океану. «Океанское течение, которое, я предполагаю, вынесет нас к Гренландии», уверял Нансен.

Ни один северный мореплаватель не соглашался добровольно зимовать в океане. В зимовках погибли от цинги десятки знаменитых исследователей. Нансен собирался прожить среди пустынных ледяных полей года три-четыре.

«Для удачной зимовки надо выполнить лишь несколько условий, — говорил он, — крепкое, специально построенное судно, тепло и хорошая пища. Все экспедиции терпели неудачу от того, что снаряжались наспех».

Деньги на эту экспедицию собирал весь народ.

Три года Нансен готовился к плаванию. Вместе со строителями обсуждал чертежи корабля, вместе с учёными испытывал продукты, паровые котлы и приборы.

Три года корабль, вмороженный во льды, носили океанские течения, и вынесли точно туда, как рассчитал Нансен.

Сам великий учёный плыл на своём «Фраме» лишь две зимы и два лета.

Убедившись, что корабль выдерживает натиск могучих льдин, он решил пройти на лыжах через океан, чтобы исследовать полярную зону. С собой он взял лишь одного спутника — Иохансена.

К концу короткого полярного лета они достигли безлюдной земли. Начиналась долгая морозная ночь. Они построили из камней нору, пол выложили медвежьими шкурами и в этой норе прожили несколько зимних месяцев, питаясь мясом медведей.

Домой они прибыли почти одновременно с «Фрамом».

Все жители страны встречали Нансена. Люди специально покидали дома и приезжали на берег, чтобы хотя бы издали помахать шляпой проплывающему мимо «Фраму».

Огромные военные корабли салютовали Нансену тринадцатью залпами: так приветствуют лишь королей.

Общежитие

(Или то, что было давно)

Комендант общежития, в котором поместили Николая, смотрел на попугая хмуро: это ещё что за новости!

Но Орлик весело крикнул ему:

— Здравия желаю! Здравствуйтесь, дети! Разучиваем новую песню.

И тут же добавил голосом бабушки Анюты:

— Помолчи, балаболка!

Комендант улыбнулся и вместо слов: «Куда это ты с птицей, у нас животным жить не позволено» — сказал:

— С таким не соскучишься. Но смотри, чтобы имущество не портил.

В первые дни в комнате, где поселился Николай с Орликом, постоянно топтались люди. Каждый хотел сказать птице что-нибудь приветливое.

И попугай быстро научился выговаривать слово «фрезеровщик». А по утрам стал будить выкриками:

— Здравствуйте, ребята! Ваше благородие, экипаж на палубе выстроен. Фрезеровщик! Фрезеровщик! Койки катать, на молитву становиться. Подъём!

Окончил Николай училище и пошёл в цех работать.

Поисками родителей он особенно озабочен не был. Возвращался с работы: пока с друзьями хорошими разговаривал, пока книжку читал, там и день кончался. Пришёл однажды в газету с объявлением, его попросили зайти в другой раз. Но он так и не зашёл: всё откладывал на будущую неделю.

А потом призвали его в армию. Написал письмо деду и бабушке. Собрал скромное своё имущество, посадил попугая в клетку, клетку обернул лёгким одеялом, чтоб Орлик не простудился от осеннего ветра. И поехал служить в воинскую часть.

Военное начальство встретило Николая Найдёнова неодобрительно.

Выстроил командир роту новобранцев. Стал обходить строй, остановился около Николая.

— Товарищ солдат, вы куда служить прибыли?

— В Советскую Армию, товарищ майор.

— А я решил, что в зоосад. Отправьте птицу немедленно домой.

— Не могу, товарищ майор.

Командир роты удивился. Он не привык, чтобы на его приказ отвечали подобным образом.

— Почему не можете?

— Попугай с детства со мною вместе. Он с тоски умрёт, если его домой отправить. Да и на почте не примут.

Майор долгие разговоры в строю презирал.

— К вечеру доложить о выполнении приказа, — сказал он и пошёл вдоль строя дальше.

Однако через час майор призадумался.

Сначала он вспомнил, как всё детство мечтал о говорящем попугае. Потом подумал, что ведь и в самом деле в письмо попугая не вложишь да и в посылке его не пошлешь.

«Отдать в подшефную школу, пусть пионеры с ним развлекаются, — решил майор — а пока пусть поживёт в казарме. В конце концов, в уставе внутренней службы о попугаях ни слова не говорится».

Николай Найдёнов сидел в казарме грустный. Рядом по подоконнику расхаживал ни о чём не догадывающийся Орлик. Время от времени Орлик вскидывал голову, оглядывал собравшихся солдат и весело вскрикивал голосом Андрея Степановича:

— Николай, вставай, школу проспишь!

И тут же отвечал голосом бабушки Анюты:

— Не трожь ребёночка, пусть подремлет.

А потом голосом восьмилетнего Коли выговаривал:

— Пятью пять — двадцать пять, пятью пять — двадцать пять.

— Такую умную птицу нельзя губить, — сказал сержант. Ему оставалось отслужить последнюю неделю. — Надо командира просить.

Но командир роты уже сам стоял у дверей казармы. «Вот и цирк развели», — была его первая, сердитая мысль. Но её перебила мысль другая: «Ребята молодые, а радость — любому человеку нужна».

— Рядовой Найдёнов, — повернулся он к Николаю. — Птицу вашу разрешаю временно оставить в казарме, до нового приказания.

Так Орлик начал воинскую службу вместе с Николаем.

Встреча

(Или то, что было давно)

В полк, где служил Николай, приехал генерал, командир дивизии.

В казармах уже с утра солдаты наводили особенный блеск: в который раз намывали полы, выравнивали койки. Попугая решили убрать подальше от генеральских глаз. Клетку с ним поставили в шкаф, где хранилось имущество для учебных занятий.

Когда увидели, что генерал в окружении старших офицеров из штаба направляется к казарме, майор выстроил роту, и едва генерал перешагнул верхнюю ступеньку лестницы, звучно скомандовал:

— Равняйся! Смирно! Равнение налево!

И чётким шагом пошёл рапортовать генералу.

Николай, как и все молодые солдаты, первый раз видел боевого командира и смотрел на него во все глаза. Седой генерал принял рапорт и громко поздоровался:

— Здравствуйте, товарищи солдаты!

Вся рота дружно, в один голос ответила:

— Здравия желаем, товарищ генерал майор!

— Вольно! — кивнул генерал.

— Вольно! — скомандовал командир роты.

И тут внезапно в тишине раздался громкий крик Орлика:

— Койки катать! На молитву становиться!

У командира роты даже ноги подогнулись от неожиданного позора. Все старшие офицеры смотрели на майора с суровым недоумением: что за хулиган спрятался в роте, и выкрикивает несуразные глупости.

А попугай продолжал издеваться:

— Товарищ командир, разрешите доложить, ваше приказание выполнено!

А потом молодым голосом партизанского командира выкрикнул:

— Здравствуйте, товарищи партизаны!

Многие заметили, что голос хулигана был похож на голос генерала, и решились посмотреть в лицо командиру дивизии.

Генерал улыбался. Он оглядывал коридор, в котором выстроились солдаты, неожиданно спросил:

— Чей попугай, товарищи солдаты?

Командир роты хотел объяснить, что это он виноват, что это он позволил молодому солдату временно подержать редкую птицу в казарме.

Но генерал остановил его:

— Подождите, майор.

Николай Найдёнов с виноватым лицом шагнул из строя.

— Коля? — неуверенно спросил генерал. — Найдёнов?

Тут уж командир роты и вовсе растерялся. Откуда генералу известно имя солдата?

— Так точно, товарищ генерал, — отрапортовал Николай.

— А Орлика куда засунули?

— Он в шкафу, товарищ генерал.

— Мы с этой птицей в одном партизанском отряде были, а также и с солдатом Найдёновым, — объяснил генерал. Правда, солдат меня не помнит, а попугай — не забыл.

Тут все сразу заулыбались.

— Попугай, можно сказать, геройский партизанский отряд спас.

Коля Найдёнов лишь сейчас понял, что за генерал командует их дивизией. Ведь когда они виделись в последний раз, Коле было всего года четыре.

Генерал приказал отпустить солдат, а с Николаем и попугаем Орликом уединился поговорить о жизни.

Все ходили на цыпочках мимо комнаты, где за дверью беседовали старые боевые друзья.

— Дед и бабушка Анюта живы? Здоровы?

— Так точно, живы-здоровы.

— Пишешь им часто?

— Так точно, часто.

— Да ты мне, как человеку, отвечай. Перед тобой сейчас сидит не генерал, а старый знакомый. Понял?

— Так точно, товарищ генерал, понял.

Генерал махнул рукой на Колины «так точно» и спросил:

— Родителей своих не нашёл?

— А зачем их искать, товарищ генерал? — Николай спросил это удивлённо, впервые не по уставу. — Они ведь меня не ищут, значит, погибли.

— Да может, и ищут, только ты не догадываешься. Фамилия у тебя какая?

— Найдёнов.

— А у родителей твоих?

Николай посмотрел на генерала растерянно. О прежней своей фамилии он как-то не задумывался.

— Как же ты можешь о родителях судить, если даже их фамилии не знаешь. Бабушка и деду тебя люди очень хорошие, ты им опорой должен стать. Но может, и отцу с матерью тоже твоя помощь пригодится? А если погибли они, так память о них надо сберечь. О каждом человеке на земле должна сохраниться память.

Простился генерал с Николаем и скоро уехал из полка. А попугаю с этого дня была обеспечена постоянная и спокойная жизнь в роте.

Правда, спокойная жизнь длилась не долго. О том, что в воинской части появилась удивительная птица, узнали школьники. И Николай с попугаем по выходным стал часто ездить на выступления — всем хотелось послушать, как разговаривает Орлик и рассказы Николая Найдёнова о жизни в партизанском отряде.

Разговоры в музее

В первый день знакомства в музейной комнате у Матвея Петровича Максим прочитал только предисловие к книге Нансена.

Там была подпись: «В. Ю. Визе».

Максим не знал тогда, что это был тоже известный полярник, спутник Седова, научный руководитель экспедиций Отто Юльевича Шмидта.

Пройдёт много лет, и Максим пожалеет, что не запомнил ни числа, ни месяца, когда случилось его первое знакомство со зрителем музея. Он отмечал бы тот день как праздник, как ещё одну дату своего рождения.

Пока Максим читал предисловие, зритель несколько раз заходил в комнатушку, усаживался, вздыхал, покашливал, снова выходил. В тот дождливый ветреный день экскурсантов было немного. Да и вообще, как Максим потом понял, в Музей Арктики заходили редкие люди. Зато уж если они заходили во второй раз, то увлекались полярной жизнью навсегда.

— Ты эту книгу бери домой, не стесняйся, — предложил Матвей Петрович, когда Максим отсидел у него часа четыре и собрался уходить. — Только чтобы честно было — скажи точно, когда её принесёшь.

— В воскресенье через неделю, — ответил Максим.

— Буду ждать, — проговорил смотритель серьёзно. И Максим пришёл точно через неделю, ведь его впервые всерьёз ждал взрослый человек.

Потом Максим приходил в музей чаще. А летом бывал там ежедневно.

Матвей Петрович сам проводил с ним экскурсии.

— Видишь столб? — говорил он, останавливаясь у почерневшего деревянного креста. — Лет восемьсот ему, со Шпицбергена доставлен. Древний русский мореход был захоронен под ним. Теперь смотри сюда: видишь, сбоку вырезаны знаки? Их пока никто не сумел расшифровать. Я тоже пробовал... Может, ты сумеешь?

В другой раз Матвей Петрович рассказывал о голландском мореходе Беренце. Потом — о плавании Амундсена на шхуне «Мод».

Казалось, все эти знаменитые исследователи были хорошими знакомыми смотрителя. Он осуждал их за ошибки, хвалил за находчивость и мужество.

Однажды он остановился около большой фотографии:

«1929 год, Земля Франца-Иосифа, установка советского флага».

— Не узнаёшь? — спросил он, усмехнувшись. И показал на весёлого совсем молодого парня, который стоял сбоку.

— Нет, — ответил Максим, вглядываясь в фотографию. Тогда он уже мог узнавать многих известных полярников. Они и на этой фотографии были с большой бородой — Отто Юльевич Шмидт, со светлыми добрыми глазами капитан Воронин.

— А ты не вглядывайся, всё равно не узнаешь. — Смотритель продолжал усмехаться, но лицо его стало грустным. — Это я. Долго мы тогда искали могилу Седова, да так и не нашли...

Только тут Максим сообразил, откуда у смотрителя столько книг с личными подписями авторов-полярников — он же сам был вместе с ними в экспедициях.

— А как ноги поморозил, так стали они опухать, — объяснил Матвей Петрович. Сначала их вовсе хотели отпилить, боялись гангрены. Да спасибо хирургу, поверил в меня, решил рискнуть. Так я здесь валенками и шлёпаю. Предлагали другую работу, а мне здесь интереснее. Таких как ты, арктическим тайнам учу...

После армии

(Или то, что было давно)

После армии Николай приехал в родную деревню к деду Андрею Степановичу и бабушке Анюте. Соскучился по ним за три года.

Сначала он ехал в поезде, потом на автобусе, а потом шёл по лесной дороге пешком.

Орлика он выпустил из клетки. Но Орлик оробел в лесу, забрался Николаю на плечо и сидел тихо.

Наконец Николай увидел свой дом на краю деревни. Дом так и остался стоять на краю.

Увидел деда. Дед вышел из избы, потянулся и стал смотреть на закат, потом позвал бабушку Анюту. Бабушка встала рядом. Теперь они смотрели на закат вместе. Николая они пока не видели.

— Орлик, это наши дедушка с бабушкой, неужели не узнаёшь? — радовался Николай.

Но Орлик продолжал сидеть тихо.

И лишь когда он увидел коров, идущих по деревенской улице, затоптался по плечу, а потом замычал:

— Му-у-у!

— Узнал, Орлик! — засмеялся Николай.

Никогда раньше Орлик по-коровьи не мычал.

А потом из будки выскочил пёс с ушами враспырку, и Орлик крикнул ему голосом бабушки Анюты:

— Уймись, Шарик! Уймись!

Орлик принял его за старого знакомого Шарика. Хотя и не Шарик это был, а сын его.

Теперь и дед с бабушкой уже спешили к ним навстречу.

На другой день

(Или то, что было давно)

На другой день Николай встал рано, надел свою солдатскую одежду и пошёл на сенокос, помогать ставить стога.

Орлик летал по дому, словно и не уезжал никогда в город и не служил вместе с Николаем в армии. Только слов у него прибавилось.

— Рота, подъём! — будил он теперь хозяев.

Через несколько дней Андрей Степанович повёл Николая на Никишкину заимку.

— Это место нельзя забывать, — говорил дед дорогой, — место историческое.

Вдвоём с Николаем они починили землянку на заросшей опушке. Ту, в которой жили два партизанских года. А вечером на костре вскипятили чай и пили его возле землянки по-партизански.

Над ними шуршали от ветра лепестки молодой сосновой коры, поскрипывала невдалеке старая ель, крутились комары, густой стаей прилетевшие с болота.

— Ты всё-таки в городе отца с матерью поищи, — наставлял дед. — Это твой корень! А ну как найдёшь?! Будут у тебя два корня: деревенский и городской. Крепче в жизни станешь

держаться.

Николай и сам понимал правоту деда.

Только как искать? Ведь по-прежнему ни фамилии своей настоящей, ни имени он не знал.

Прошла ещё неделя.

Стали бабушка с дедом собирать Николая в город.

— Ты бы зимой приехал, а? Зимой я люблю на санях с крыши кататься, — говорил на прощание Андрей Степанович. — Снега доверху навалю, крутая получается горка!

— Полдеревни собирает смотреть на катание! — смеялась бабушка.

И пошёл Николай знакомой дорогой на станцию.

Оглянулся он в последний раз на родной дом, поднял клетку с попугаем Орликом и двинулся к станции, как когда-то, несколько лет назад.

Почему исчез Максим

В тот вечер, когда Максим, Оля и собака Айка встретились с тремя бездельниками, Максим шёл из музея.

— Попросил для тебя у Михаила Ивановича, профессора по Северу, записки Де Фера, спутника Баренца. Книга редкостная, сам понимаешь, я даже брать боялся, — говорил в музее Матвей Петрович. — Но Михаил Иванович говорит: пусть юноша познакомится с историей Арктики полнее.

Баренц плавал по полярным морям четыре с половиной века назад, и Максим давно мечтал прочитать записки его спутника. Он завернул книгу в газету, перед тем как идти домой на свою улицу Рубинштейна.

Когда один из бездельников наступил на книгу, Максиму страшно стало. Нет, за себя он не боялся. Подумаешь, нос бы разбили или синяк поставили. Страшно ему стало за книгу. Её могли разорвать в драке или просто испачкать грязью. Ведь никто не знал, какая она редкостная. Что бы сказал он потом Матвею Петровичу? Как пришлось бы оправдываться перед знаменитым профессором Михаилом Ивановичем? Уж он-то наверняка перестал бы давать свои книги после такого позорного случая.

Оля с собакой появились в тот страшный момент и спасли Максима.

Но оказалось, что отец и мать возвращались из кино и увидели его. Отец взял сына за руку и сказал, что детям нельзя гулять, когда уже стемнело, и что он сам отведёт его домой. Мать же заспорила: осенью темнеет рано, а ребёнку необходим свежий воздух, и чем раз в году хватать парня среди бела дня за руку и тащить домой, лучше бы в магазин с ним сходил и купил ему новые ботинки.

— А ты ... — сказал ей отец.

— А ты ... — ответила ему мать.

Через минуту они забыли о сыне. Максим видел, как возвращается Оля с книгой, что ищет его глазами.

Позориться перед ней он не хотел. Он осторожно вынул свой рукав из отцовской руки, отец этого даже не заметил, заскочил в парадную, которая была рядом, и захлопнул за собой дверь. Отец с матерью спорили около этих дверей минут пять или десять, потом затихли, принялись оглядываться. Возможно, они хотели вспомнить, с чего начался спор, но им, как обычно, это не удалось.

Они ушли, и Максим выбежал на улицу Рубинштейна. Он думал догнать Олю, взять свою книгу, но Оли нигде не было.

То, что книга теперь не пропадёт, Максим знал точно. Про Олю в классе знали, что она человек аккуратный и надёжный.

Встреча

(Или то, что было давно и совсем недавно)

И опять Николай жил в заводском общежитии. Теперь он работал на большом старинном заводе «Металлист». Прежде место, где стоял завод, было глухой окраиной. Теперь здесь строили красивые новые дома, но до главных улиц было всё-таки добираться далеко.

По вечерам Николай садился в трамвай и ехал к центру города. Он медленно ходил мимо широких красивых витрин, но на витрины он не смотрел. Он вглядывался в лица встречаемых людей — и молодых, и пожилых. Быть может, в те же минуты по тем же улицам проходили его мать и отец или брат и сестра...

Он писал во все газеты про осенний поезд, про себя двухгодовалого ребёнка, про попугая Орлика, но отовсюду приходил одинаковый ответ: о мальчике с попугаем никто не спрашивал.

Однажды тёплым майским вечером он свернул с Невского проспекта на незнакомую улицу, и вдруг сердце его забило удивлённо и радостно.

«Улица Рубинштейна», — прочитал он табличку на доме. Прежде он по этой улице не ходил. Но сейчас вдруг Николаю показалось, что всё здесь ему знакомо. Словно он был здесь множество раз, только не помнил когда — может быть, во сне?

«За домом с красивой башней будет дом с каменными птицами», — подумал он с удивлением и тревогой. И точно дальше стоял дом с грифонами, большими хищными птицами.

«Теперь будут высокие ворота, с арки свешивается на цепи старинный фонарь». И были ворота, и фонарь покачивался на толстой якорной цепи.

«Что же это? Почему?»

От волнения Николай даже присел на высокий каменный столбик у стены.

И в этот момент из ворот вышла девушка удивительной красоты. Она заглянула в глаза Николаю и улыбнулась.

Медленно шла она по улице, а Николай в растерянности брёл следом.

Теперь ему казалось, что, уже подходя к арке с фонарём на чугунной цепи, он знал, что увидит эту девушку. Они поравнялись, и Николай о чём-то её спросил.

Он не помнил, о чём они говорили в тот первый вечер. Они ходили по улицам долго. В городе

было тепло и празднично. На улицах гуляло много людей.

— Ты постоянно заговаривал о крышах, — смеясь, вспоминала мама Оли. — В ту весну в городе красили крыши.

— А мне казалось, что я говорил только про деревню да про разных животных, — смущённо улыбается папа Оли.

Это был вечер их первого знакомства. А потом они поженились, и Олин папа, Николай Николаевич, переехал в красивый дом на улицу Рубинштейна к Олиной маме.

А потом и Оля родилась.

Папа волновался, когда решил познакомить свою невесту с попугаем Орликом. Он не знал, как они отнесутся друг к другу.

— Это же чудесно! — сказала Олина мама, узнав о папином попугае. — Моя мама говорила, что до войны у наших соседей тоже жила попугаиха. Как-то смешно её звали, — Матильда, кажется.

Попугай Орлик быстро подружился с Олиной мамой. А когда родилась Оля, он удивил всех. Едва увидев её в детской постельке, он вдруг запел ласковым нежным голосом:

— Баю-бай, баю-бай, спи, мой мальчик, засыпай.

— Двадцать лет не вспоминал! — поражался папа. — С тех пор, как я вырос. А теперь снова запел.

— Может быть, он поёт голосом твоей мамы, которую мы не знаем? — предположила мама Оли.

Пока Оля была маленькая, Орлик смешно охранял её, сердился, если незнакомые люди к ней приходили, грозно махал клювом.

— И со мной точно так когда-то было! — продолжал удивляться папа.

Уходили Олины родители в гости. Их там спрашивали:

— С кем ребёнка оставили?

А они всерьёз отвечали:

— С Орликом, с попугаем.

От попугая Оля научилась первым словам. Уже в два года она выговаривала: «Милостивый государь, кушать подано», «Лечь в дрейф, за морем смотреть», «Держи вора, как дам!»

Старинный сундук, Максим и фотография Палтусова

Большой древний сундук стоял в Олиной квартире давно — до рождения Оли и даже до рождения Олиной мамы.

Олина бабушка рассказывала Олиной маме, что много лет назад жили в их квартире соседи — муж с женой и ребёнком. Когда началась война, жена с ребёнком уехала в другой город. Больше от них вестей не было. А муж, когда уходил на фронт с народным ополчением, взял с Олиных бабушки и дедушки клятву хранить сундук до тех пор, пока он не вернётся.

Он так и не вернулся, а сундук до сих пор стоит в коридоре, где стоял и сорок лет назад. На него санки ставили, когда Оля была маленькая. Теперь кошка на нём спала.

Однажды, когда Оля ещё в детский сад ходила, хотела она в том сундуке спрятаться. А мама сразу испугалась.

— Что ты, Оля! Разве можно, это ведь чужая вещь! Придёт тот человек или его сын, а мы что — ему выпотрошенный сундук преподнесём?

— А дадим объявление в газету: «Разыскивается хозяин сундука. Что в сундуке — неизвестно, хоть он и не заперт», пошутил тогда папа.

— Почему неизвестно? Я, когда школьницей была, заглядывала по секрету от бабушки. Там фотографии и тетради какие-то. На самом дне.

Когда мама была школьницей она, оказывается, заглядывала в сундук, а дочери своей не разрешает.

Оля давно мечтала посмотреть, что там спрятано в сундуке, из-за чего, уходя на фронт, надо было брать клятву с бабушки и дедушки.

В тот день родители пошли в гости к друзьям, а Олю оставили на диванчике лечить ногу и разговаривать с попугаем Орликом.

Орлик раньше любил бродить по квартире. Где люди — там и он. А с этой зимы почему-то чаще стал забираться в клетку. И ни одного нового слова не выучил за последний год. Зато стал вспоминать такие слова, которые выговаривал ещё при царе.

Раньше, как проснётся, сразу кричал:

— Здравствуйте, ребята, слушайте пионерскую зорьку! Фрезеровщик, подъём!

А сейчас опять стал здороваться по-старинному:

— Здравия желаю, Ваше благородие!

Иногда же говорил и вовсе на непонятном языке.

Сейчас в квартире было пусто. Орлик скрежетал клювом в клетке, потом в комнату вошла кошка, и Орлик пригрозил ей на всякий случай:

— Держи вора!

Кошка сделала вид, что на него внимания не обратила, и улеглась на диванчик рядом с Олей.

И Оля, наконец, решилась. Приковыляла она к сундуку, сняла с него коврик, открыла запор и подняла тяжёлую крышку. И в самом деле, в сундуке лежали какие-то тетради необычайной толщины да несколько мутно-жёлтых фотографий.

Оля взяла верхнюю фотографию и пошла с ней в комнату, где было светлее. На фотографии были сняты люди в морской одежде.

Она хотела вернуться к сундуку и взять следующие фотографии, но в эту минуту зазвенел звонок. Оля оставила фотографию в комнате, быстрее закрыла сундук, положила кое-как коврик и подошла к двери.

В первый момент она подумала, что это мама с папой вернулись из гостей. Но у них были

свои ключи, они бы не стали звонить.

— Кто здесь? — спросила она.

— Найдёнова, открой, это я, Максим Михеев.

Вот это было вовсе удивительно. У дверей стоял её Злейший Враг номер один.

— Я тебе уроки принёс, — сказал Злейший Враг, когда Оля его впустила. Он изо всех сил вытирал ботинки о резиновый коврик у двери.

Никогда ещё в Олиной жизни специально к ней мальчишки не приходили.

В прошлом году, когда она болела, тогда заходила бывшая её любимая по друга Галя Малкова. Мамины подружки приводили своих сыновей, но с ними Оля почти не разговаривала. Демонстративно брала книгу и сидела в углу, на них не глядя. Поэтому сейчас она растерялась.

Максим тоже продолжал смущённо вытирать ноги и повторять:

— Я на минутку. Вот уроки принёс, и вообще...

Тут Оля вспомнила книгу «Семейный этикет», которую они недавно купили вместе с мамой и папой. Гостю надо было помочь раздеться, пригласить в комнату и усадить на удобное место.

— Раздевайся, пожалуйста, и проходи в комнату, — сказала она, как ей показалось, голосом вежливой дамы.

— Да я так, я на минутку, вот только уроки... — снова повторил Максим.

Всё-таки он снял кургузое своё пальто и в растерянности уставился на ботинки.

Оля поняла, отчего он мучается: снимать ботинки или не снимать. Но тут, услышав гостей, из комнаты густым басом проговорил Орлик:

— Здравия желаю, Ваше благородие! Вольно!

А потом всё-таки добавил ребячьим голосом:

— Здравствуйте, ребята, слушайте пионерскую зорьку!

Максим забыл про ботинки и с удивлением посмотрел на Олю. Сейчас был вечер, а по вечерам пионерской зорьки не бывает...

— У тебя гости?

— Нет, это попугай, Орлик, — сказала Оля.

— Можно посмотреть?

— Конечно. Он в моей комнате живёт.

Попугай отнёсся к Максиму на удивление по-дружески. Не стал угрожать, шипеть по-змеиному, махать клювом и кричать: «Как дам!» Так по-дружески он редко кого встречал.

Он взглянул на Максима, скосив голову, и спросил папиным голосом:

— Как дела? Как успехи? Жизнь удалась?

Оля с трудом удержалась от хохота, глядя на растерянного Максима. Он так и стоял с раскрытым ртом около клетки, не зная, что ответить попугаю на вопрос об успехах.

— Да это он так, — сказала Оля, — не болтай, Орлик.

Но Орлик повёл себя неприлично.

Повернулся к Оле и сердито спросил тем же папиным голосом:

— Ай, ай, шлёпки по попке хочешь?

— Да ну его, — обиделась Оля.

Максим отошёл от попугая, вынул дневник из-за ремня и вдруг уставился на фотографию, которую Оля не успела спрятать в сундук.

— Это у тебя откуда?

— Да так, просто.

— Можно её посмотреть? — Максим был даже не удивлён. Он был поражён. Или испуган. Так в первую минуту показалось Оле. Он взял фотографию, долго смотрел на неё, а потом проговорил:

— Экспедиция капитана Палтусова.

— Какого капитана? — переспросила Оля.

— Капитана Палтусова. Вам её из музея дали?

— Да нет. Она у нас дома лежит.

— Дома? — Оле показалось, что Максим даже не поверил.

— В сундуке. Там ещё есть другие фотографии.

Оля переписывала из дневника Максима уроки и в который раз тихо возмущалась, глядя на его каракули. А он продолжал разглядывать фотографию.

— Вот сам капитан Палтусов, в середине, с длинными усами. А это штурман, он так и не поплыл в

тот рейс, потому что сломал ногу... Можно, я эту фотографию одному человеку покажу?

Оля фотографию отдавать не собиралась. Но тут в двери щёлкнул замок. Теперь и в самом деле пришли мама с папой, Оля успела лишь проговорить шёпотом:

— Спрячь быстрее!

И Максим сунул фотографию в свой дневник.

Вторая фотография

К счастью, в кармане завалялась двухкопеечная монета, а около дома Оли был телефон-автомат.

К счастью, Матвей Петрович был у себя. Из малопонятных восклицаний Максима он понял

одно: случилось важное. И сказал, чтобы Максим немедленно топал к нему.

Три дня назад Матвей Петрович с гордостью выложил точно такую же желтоватую фотографию.

— Нашёл всё-таки! Пришлось тысяч двадцать снимков пересмотреть. Ведь говорил, что найду!

Теперь эта фотография красовалась на стенде «Полярная экспедиция капитана Палтусова». А раньше там были только три снимка: самого капитана и бравого усатого моряка, его фельдшера, да шхуны «Святой Пётр».

Матвей Петрович недавно отыскал старика, который мальчишкой наблюдал за торжественным отплытием шхуны. Бывший мальчишка, теперь старик, уверял, что весь экипаж снялся у борта корабля в Петербургской гавани, а снимал их фотограф Карл Булла.

Ещё полгода Матвей Петрович искал следы фотографа. Он нашёл его сына. Сын тоже был фотографом, только изменил фамилию. Фотограф-сын разрешил Матвею Петровичу порыться в архиве отца. И через две недели Матвей Петрович нашёл нужную фотографию!

— Понимаешь, у меня руки затряслись, когда я вытащил её из конверта. Гляжу — точно, в середине сам капитан Палтусов, а рядом — штурман.

Ведь прежде считали, что общей фотографии экспедиции нет и не будет! А всего через три дня Максим в обычной квартире на собственной улице у своей ничем не примечательной одноклассницы обнаружил вторую такую же фотографию!

Было от чего разволноваться.

Максим подбежал к музейному служебному входу. Звонок находился высоко, но едва Максим дотронулся до него, как дверь открылась. Матвей Петрович, одетый в валенки, в меховую безрукавку, уже ждал его.

— Давай твою фотографию, — сказал он сразу.

Они прошли в боковой зал, где был стенд русских арктических экспедиций, и зажгли большой свет.

Матвей Петрович взял фотографию, приложил её к той, что была на стенде, и удивлённо кашлянул.

— Та, да не та! Сам смотри: на моей фотографии капитан и штурман смотрят прямо. А на твоей — слегка повернулись друг к другу, будто разговаривают. А матросик с краю — тот и вовсе отвернулся.

Максим вгляделся. И верно, весь экипаж сидел точно так же, кроме этих троих людей. Значит, снимок был сделан с другого негатива!

— Хоть и маленькое, но открытие! — проговорил радостно смотритель. — Где взял?

Максим стал было объяснять ему где.

— Найдёнова? — перебил смотритель и с полминуты повспоминал. — Такой фамилии в списке экспедиции нет. — Он взглянул на часы. — Завтра профессору Михаилу Ивановичу позвоню, обрадую. Ему твоя фотография, может быть, пригодится для новой книги.

Часть вторая

Хорошее настроение

День стоял солнечный, радостный.

У Оли настроение тоже было солнечным.

И гипсовую повязку с неё уже сняли, и сегодня весь день ей хотелось петь. Сначала, напевая про себя, она сходила в поликлинику — к врачу не было никакой очереди. Врач тоже попался весёлый, он потрогал место Олиного вывиха и сказал медсестре:

— Теперь эта девочка на своей ноге будет прыгать, как олимпийская чемпионка.

Потом, всё также напевая про себя, Оля побежала к маминому дворцу.

Сейчас бригада мамы отделявала дворец графа Гостомыслова. Он был недалеко от дома, на Невском. Мама показывала этот дворец Оле и папе. Там были большие гулкие залы с красивой лепкой и росписями на потолках, но в некоторых местах украшения от старости отваливались.

— Хорошо работали мастера в прежнее время, — говорила мама, — но и мои девочки не хуже сделают. К весне будет дворец новеньким!

Мама показалась в окне. Она улыбнулась и помахала рукой.

— К тебе сейчас можно? — спросила Оля. Мама сделала серьёзное лицо и развела руками: «Нельзя, надо работать!» Оля поняла.

— Меня выписали, и я завтра в школу иду, — похвасталась она.

Мама снова заулыбалась:

— Только пока тебе нельзя много ходить. Возвращайся потихоньку домой.

Оля хотела поговорить ещё, но мама уже отошла от окна, и ей тоже пришлось повернуть к дому.

У ворот в своём куцем пальтишке и ушанке блином стоял её бывший Злейший Враг номер один Максим Михеев. Лицо его было таким озабоченным и серьёзным, что Оля уже издали перестала улыбаться.

— Найдёнова, Оля, — заговорил Максим почему-то шёпотом, — а я тебя жду.

Оля недовольно пожала плечами: «Жди, если хочется».

— Скажи, пожалуйста, ты кого-нибудь знаешь на той фотографии? — продолжал Максим тем же шёпотом, но очень вежливо.

— Откуда я могу знать? Конечно, нет. — Оля шла по широкому двору к своей парадной, но

Максим не отставал.

— Можно я к тебе сейчас в гости приду?

Ей так хотелось ответить: «Мне некогда, нельзя». Или ещё что-нибудь такое похожее. Но вежливость победила. Оля снова с деланно равнодушным лицом пожала плечами и сказала:

— Иди. Только у меня дома никого нет.

— И хорошо, что нет! — обрадовался Максим. Он даже тугую дверь в парадной открыл перед Олей и пропустил её первой на лестницу.

— Здравия желаю! Оля, привет! — прокричал Орлик, когда они вошли в прихожую. — А ты кто такой? Жизнь удалась? — спросил он у Максима.

И Максим снова растерялся. А потом тихо ответил:

— Нет, ещё не удалась.

Но попугай уже молча топал по жёрдочке.

— У вас ещё другие есть фотографии кроме той? Можно посмотреть?

С одной стороны, Оле хотелось и самой узнать, что там хранится в сундуке, а вдвоём смотреть всегда интереснее. Но не со Злейшим же Врагом номер один делиться тайнами. И она неопределенно ответила:

— Мама не разрешает их трогать.

И тут наступила решающая минута.

Если бы Максим удержался и, горестно вздохнув, повернулся к выходу, продолжение этой истории было бы другим и наступило бы лет через тридцать, а то бы и вовсе не наступило.

Но Максим не сдержался.

— У вас на фотографии знаменитый капитан Палтусов, полярный исследователь. И в музее есть такая же, но чуть другая, мы уже проверили. Это важно для истории.

Лицо у Максима было сейчас никаким не вражеским, а самым обыкновенным и очень серьёзным. Можно было подумать, что от этой мутной фотографии зависит вся его будущая жизнь.

Оля молча подошла к сундуку, сняла коврик и подняла крышку.

Максим нагнулся, осторожно взял одну фотографию, другую. На них была та же группа моряков, только по частям и крупнее. Дальше лежали три толстые тетради, перевязанные бечёвкой.

Максим развязал узел, открыл верхнюю тетрадь, взял сразу следующую, тоже открыл, выпрямился и схватил Олю за руку.

— Оля! Мы нашли дневники капитана Палтусова!

— Какие дневники?

В первый момент ей пришли на ум школьные дневники с отметками и подписями учителей.

— Экспедиция пропала без вести, а его дневники — здесь! У вас в сундуке. В вашем сундуке у вас дома!

Прежде Оля не видела, как радуются сумасшедшие. Теперь она знала, какими они бывают. Максим ходил по прихожей, бил себя по голове, хохотал, подпрыгивал на одной ножке, снова ударял себя по голове.

— И они тут лежали, а я ходил мимо! Каждый день ходил мимо вашего двора! А они тут лежали! Они всегда ведь лежали? — спросил он, наконец, у Оли.

— Всегда. Их нам бабушкин сосед принёс в начале войны.

— Бабушкин сосед! Так это сам капитан Палтусов, наверно! Ну дела! Капитан Палтусов, значит, был жив, а про него писали: «Следы экспедиции капитана Палтусова трагически затерялись в безбрежных льдах полярного бассейна. Россия вступила в Первую мировую войну, и у царского правительства не было ни средств, ни возможностей, а главное — желания, чтобы направить спасательные суда на поиски отважных исследователей».

На уроках Максим иногда отвечал невпопад, в классе никто и не подумал бы, что он легко запоминает целые страницы из книг.

— Это из «Истории полярного мореплавания», — объяснил он Оле. И профессор Визе тоже писал, что экспедиция капитана Палтусова пропала без вести. И все так считают до сих пор.

— Откуда же дневник? — удивилась Оля.

— Не знаю! — обрадовался вопросу Максим. — А вдруг, и правда, сам капитан Палтусов вам его принёс.

Максим сбегал домой и минут через двадцать вернулся с книгой «Великий Северный морской путь».

— Ты почитай, здесь про Палтусова написано, а я по вашему телефону в музей позвоню.

Он нашёл нужную страницу и положил перед Олей.

«Жизнь Палтусовых — замечательная страница в истории русского мореплавания», — прочитала Оля.

Два с половиной листа из потрёпанной книги она прочитала быстро. Максим в это время стоял у телефона в прихожей и звонил в музей. Там сначала было занято, а потом он заговорил с кем-то возбуждённо и радостно.

Теперь, когда Оля прочитала эти две с половиной страницы, она поняла — волноваться стоит. Она и сама разволновалась. Потому что они с Максимом только что сделали открытие, неизвестное науке.

История капитанов Палтусовых

Сначала она читала про отца капитана.

Он был нищим крестьянским ребёнком. И отец и мать у него умерли во время эпидемии холеры. Тогда от страшных болезней умирали целыми деревнями.

Ему грозила судьба несчастливая и голодная. Но однажды полупьяный деревенский дьячок забавы ради показал ему азбуку. Так отец Палтусова научился читать. Он ходил с нищенской

сумой под стылыми осенними дождями из деревни в деревню, питался объедками, которые подавали, и читал всё, что можно было прочесть.

И была у него тайная мечта.

Пешком, ободранный и босой, он дошёл за три года до моря, до Одессы, нанимаясь по дороге на любую грязную работу. В Одессе он пробрался в порт и уговорил капитана дряхлого торгового судна взять его юнгой. И здесь он не отказывался от любой работы — мыл камбуз, убирал каюты. Но зато и на мачты лазал, и стоял у компаса — учился всему, что умели другие. За работу он не просил денег, лишь бы его учили морской науке.

Через несколько лет он сошёл на берег и добился, чтобы в морском училище у него приняли экзамены на штурмана. Ему долго отказывали, наконец, он убедил всех и сдал экзамены на отлично.

Постепенно он стал известнейшим капитаном, его судну доверяли возить самые важные грузы.

У него была уже семья, шестилетний сын. Однажды он взял сына с собой на судно, но это плавание оказалось несчастливим. В тумане на них наскочил греческий торговый корабль. Оба судна получили страшные пробоины и быстро пошли ко дну. Палтусов-отец успел спустить спасательный бот для команды и посадить туда сына. Сам он погиб вместе с кораблём на глазах у семилетнего мальчика. Спасшиеся моряки доплыли до берега и поклялись помогать семье любимого капитана.

Семилетний Палтусов-сын вернулся к тому, с чего начал его отец. Мать его не перенесла потерю мужа и через месяц умерла. Матросы, поклявшиеся помочь, нанялись на другие суда и ушли в море. Дальние родственники матери определили сироту мальчиком-посыльным к купцу. Купец унижал его, морил голодом, бил. Вскоре он от купца сбежал и стал скитаться по дворам, подбирая объедки.

Потом заболел. Оборванный, обессиленный, он добрёл до бывшего своего дома, где ещё недавно жил в тепле и уюте. Он решил здесь умереть. Мимо шли сытые, хорошо одетые люди и брезгливо обходили грязного маленького оборванца, сидящего возле красивого дома на тротуаре.

Тут и подобрал его матрос, который прежде плавал с Палтусовым-отцом.

Денег у него было чуть-чуть, но он кликнул извозчика и отвёз мальчика в свою хибару. Десять дней, пока не началось плаванье, он выхаживал сына погибшего капитана.

За эти десять дней он сумел обойти семьи других моряков, ушедших в плаванье, собрал немного денег. Потом пробился к начальству и уговорил принять сироту в городское училище на казённый счет.

Теперь Палтусов-сын был сыт, одет и начал учение. А дальше он, как и отец, стал пробивать себе дорогу сам. Зимой он учился, летом зарабатывал деньги. Юношей каждое лето нанимался в порту грузчиком. Наконец, стал штурманом. Потом получил судно.

Следующие десять лет он завоёвывал право на арктическую экспедицию. Знаменитый исследователь Норденшельд прошёл на шхуне «Вега» весь Великий Северный морской путь за два года. Палтусов мечтал пройти этот путь за одну навигацию и открыть маршруты другим судам. Ежегодно он отправлялся в арктические экспедиции, изучал северные проливы, острова и устья рек. Не раз проваливался под лёд, дважды о его экспедициях писали в газетах, будто все её участники или погибли, или пропали без вести в пустынном ледовом краю, что равносильно гибели. Но экспедиции со славой возвращались в Петербург,

и на географических картах вместо широких белых пространств появлялись очертания изученных берегов, рек, проливов. Имя его уже знали полярные исследователи всех стран. И через десять лет крепкое судно «Святой Пётр» стояло в Петербургской гавани, готовое отправиться по полярным морям под его началом.

В команде было шестнадцать крепких отчаянных людей и молодой попугай Изабелла, которого незадолго до отплытия подарили Палтусову бывшие матросы его отца. На берегу оставались жена и четырёхлетний сын.

«Святой Пётр» обогнул Скандинавию, добрал необходимые продукты и уголь в Архангельске и смело отправился дальше.

В последний раз его видели у пролива Югорский Шар. Пролив был забит льдами. Несколько торговых кораблей пережидали, пока льды разойдутся. «Святой Пётр» вошёл в пролив и скрылся в тумане. Торговые суда так и не дождались в тот год чистой воды, вернулись в Архангельск.

Лет через пять у выхода из пролива под сложенным из камней знаком нашли почту экспедиции. Капитан писал, что пролив пройден благополучно и судно выходит в Карское море.

Первые год-два Палтусова ждали спокойно. Ведь газеты уже не раз писали о его гибели, но он всегда возвращался со славой. Тем более что на следующее лето отправились Арктические экспедиции Седова, Русанова и Брусилова. Они могли помочь терпящему бедствие судну. Но и все эти три экспедиции закончились трагически.

А потом Россия вступила в Первую мировую войну, и у царского правительства не было ни средств, ни возможностей, а главное — желаний, чтобы направить спасательные суда на поиски отважных исследователей. Да и где было их искать среди безбрежных ледяных полей? Никто указать не мог.

План Максима

И снова помешали родители. Точнее, один родитель — папа.

Хорошо, что Оля закрыла дверь на большой железный крюк. И пока папа с удивлением дёргал ключом, Максим успел положить назад толстые тетради, захлопнуть крышку и накрыть её ковриком.

— А я завтра в школу иду! — похвастала Оля, когда папа, наконец, вошёл.

Конечно, это был одновременно и отвлекающий манёвр.

— Да ну! — попался на манёвр папа. — Снова будешь ставить рекорды! И давний гость здесь? — поздоровался он, увидев Максима. — Как дела? Как успехи? Жизнь удалась?

— Мы географию изучали, — проговорил зачем-то Максим.

Папа притворно удивился:

— Как же, слышал о такой науке! — Он прошёл в Олину комнату и увидел на столе книгу Максима. — «Великий Северный морской путь», — прочитал он. Ого! Это кто из вас интересуется?

— Мне Максим дал почитать.

Папа полистал желтоватые страницы.

— Мне тоже можно после тебя?

Максим молча кивнул.

Папа ушёл на кухню, поставил чай и позвал всех к столу.

— Ау меня тоже новость, — сказал он. Мы завтра красавицу выводим.

— Уже поедете?! — удивилась Оля.

— Попробуем. Красавица — это гоночная машина, — объяснил папа Максиму. Бегает как зверь. Сами собрали. Приходите смотреть.

— Спасибо, но у меня завтра дела, — ответил солидно Максим.

Он попил чаю, снова сказал «спасибо», потоптался в прихожей около сундука, вздохнул и стал одеваться.

— Я тоже выйду, — сказала Оля папе и пошла с Максимом на улицу.

— Понимаешь, нам надо все те записи исследовать, — сказал Максим, остановившись посреди двора. — Это важно для науки.

— Понимаю, — ответила Оля.

— Ваш дом на ремонт не ставят?

— Мама говорит, пока нет.

— Это хорошо. Я придумал, что делать. Ведь дневники из сундука уносить нельзя?

— Нельзя! — Оля даже испугалась. Она решила, что Максим немедленно начнёт выпрашивать эти дневники хотя бы на день-два. — Мама откроет и увидит.

— А мы и не будем брать. Мы всё перепишем. Каждую тетрадь. И у нас будет копия. А дневники пусть спокойно лежат у вас в сундуке.

— Три тетради — это же целый год писать.

— А мы ребят из класса позовём.

Мишка Фраерман может разобрать любой почерк. Он будет дешифровщиком, как в разведке. Я тоже буду диктовать — с моими каракулями писать нельзя. А ты, Лида Кокушкина и Валя Полякова будете записывать. Олег Саркисян — он и читать и писать может. Тетрадь на двоих, и за один месяц мы всё перепишем. Здорово придумал?

Максим придумал действительно здорово. И Оля согласилась.

— Ты поговоришь с девочками, а я с ребятами, ладно? Будем приходить сразу после школы и по часу писать.

— А если не захотят?

— Надо так сказать, чтоб захотели.

Сговор

Интересно приходиться в школу после болезни — все тебе радуются. Не то, что в обычные дни, когда могут и не заметить.

Максим пришел позже Оли.

В первую перемену он встал рядом с Мишкой Фраерманом. Тот играл в шахматы вместе с другим пятиклассником. Они все перемены играли в карманные шахматы. Ещё в третьем классе некоторым нравилось подскочить сбоку и поддеть их шахматную доску, так чтобы все фигуры разлетелись по полу. Но с тех пор как Мишка стал учиться приемам каратэ у соседа-милиционера, подавальщики вывелись. Ещё Мишка умел разобрать любой почерк, в две минуты расшифровать любую запись, ребус. Это у него само собой получалось. И он многим помогал разгадывать ребусы. О своих способностях он узнал, когда в летнем лагере читал рассказ «Золотой жук» Эдгара По и разобрал записку знаменитого пирата раньше, чем герой рассказал о зашифрованном смысле.

Максим подождал конца партии и позвал его. Мишка неохотно отошёл от окна, но слушать стал внимательно. О чём-то они тихо поговорили, Мишка согласно кивнул и вернулся к шахматам.

А Оля всё не могла подойти к Лиде Кокушкиной и Вале Поляковой, потому что не знала, с чего начать разговор. Не начинать же его со слов: «Девочки, мы с Максимом сделали открытие, и нужна ваша помощь». А если рассказывать о капитане Палтусове, то перемены не хватит.

Наконец она решилась.

Лида Кокушкина была добрым человеком. Если кому-нибудь несправедливо ставили двойку, и он плакал, Лида плакала вместе с ним. Даже если тот человек терпел и не плакал, она всё равно плакала из сострадания.

На физкультуре Лида стояла последней, но весила больше многих девочек. В этом году девочки увлеклись похуданием, соревновались, кто меньше весит, перестали есть на переменах и ссорились с родителями, когда те заставляли их плотно обедать. Одна Лида не старалась похудеть. Она жевала с утра до вечера. То ириску, то пряничек, то яблочко. И любила угощать других.

Когда Оля отвела её в сторону, Лида спросила:

— Хочешь пряничка?

Оля взяла пряник, чтобы не обидеть Лиду, надкусила и лишь потом проговорила:

— Приходи, пожалуйста, после уроков ко мне домой.

— Зачем? У вас праздник, да? — спросила Лида. Она обожала ходить к подругам на дни рождения.

— Это тайна. Приходи ко мне и всё узнаешь.

— Какая тайна, а? Скажи только мне, Оля, — стала просить Лида. — Я больше никому.

— Мы с Максимом Михеевым сделали одно открытие, и ты должна нам помочь...

— С Максимом? Разве вы с ним помирились? — удивилась Лида. — А Валя тоже придёт?

В последнее время Лида дружила с Валею Поляковой и без неё никуда не ходила.

— Придёт, я её тоже зову.

Олег Саркисян читал книги с пяти лет. А в шесть лет он уже стал писать романы. Первый его роман назывался «ОЛЕК ЭТО КАРЛСУН КАТОРЫЙ ЖЕВЕТ НА КРЫШИ» и состоял из трёх страниц.

Сейчас он увлекался историей древних народов и сочинял романы про них. Один роман назывался «Принцесса в пещере первобытного племени», другой «Гильгамеш возвращается». На каждый роман уходило по четыре-пять школьных тетрадок. Но пока сам он был и единственным читателем своих романов. Лишь однажды он решился показать один из романов Лиде Кокушкиной. Та поплакала над судьбой несчастной принцессы, попавшей к дикарям, и попросила его написать заметку в стенную газету о дежурстве на этажах. Олег заметку написал, но романы свои больше ей не показывал. Он ходил отдельно от всех, потому что постоянно жил своими творческими планами.

Когда другой занятый человек Максим Михеев подошёл к нему, сначала Олег не понял, чего Максим от него хочет. Он даже решил, что Максим предлагает ему писать совместный роман о тайне полярного плавания.

— Понимаешь, их считали погибшими, а мы нашли личные дневники капитана, они у Найдёновой дома хранятся.

Личные дневники Олег уважал. Он и сам пытался вести дневник своей жизни, но пока ничего увлекательного в его жизни не происходило. Вот почему он согласился помочь разобрать и переписать личный дневник капитана Палтусова.

С Валею Поляковой было труднее всего — она любила командовать.

— Валя, мы нашли у меня дома одну тайну. Приходи сегодня, пожалуйста, к нам, — проговорила Оля и сама почувствовала, как нелепо у неё всё сказалося.

— Кто это — мы?

— Я и Максим. — Теперь Оля даже покраснела.

— Михеев? — удивилась Валя. — Не ужели ты с ним начала дружить? — Валя спросила недоверчиво и слегка насмешливо.

— Не дружу, а так. Мы случайно нашли одну тайну...

— Ладно, приду, — смилостивилась Валя, и Оля успокоилась.

Слухи и сборы

Оля сказала о тайне Лиде и Вале. Лида и Валя сказали по секрету Гале, Марине и Зое. Галя, Марина и Зоя сказали Пете, Наташе, Юре, Вике, Андрею, Ире и старосте класса Тане Мануйловой.

К последнему уроку весь класс знал о страшной тайне, которую обнаружила у себя дома Оля Найдёнова с помощью Максима Михеева.

— Покажи тайну, а? — просили Олю по очереди Ира, Андрей, Ника, Боря, Наташа и Петя. — Ну что там за тайна?

— Не скажешь — завуча приведу! — пообещала Таня Мануйлова.

Оля не выдержала и громко, чтобы слышал весь класс, объяснила Тане Мануйловой, что никакой особой тайны дома нет. А просто хранятся дневники знаменитого капитана Палтусова, о которых никто не знает. Их надо переписать, что бы они стали известны всему миру.

— А-а-а, подумаешь, дневники. Ну и переписывайте на здоровье, — отказались сразу некоторые.

Зато другие стали просить, чтобы Оля показала тетради капитана и разрешила переписывать.

В первый день

В первый день они только по странице успели переписать. Пока разглядывали кошку, пока с Орликом разговаривали. Потом читали про жизнь капитана в книге «Великий Северный морской путь».

Наконец Оля достала три тетради — три части дневника, и все разделились по парам.

Максим диктовал Оле в её комнате. Олег Саркисян и Валя Полякова писали и диктовали друг другу по очереди в комнате родителей. Миша Фраерман диктовал Лиде на кухне и помогал всем разбирать непонятные слова.

Оля поставила будильник на без пятнадцати пять. Пятнадцать минут, чтобы сложить дневники в сундук, а тетради спрятать в секретере. Ещё десять минут чтобы одеться и незаметно уйти, потом могли появиться родители.

Будильник зазвонил, а они почти ничего не узнали о плавании.

— Давайте сначала прочитаем, а потом будем писать, — предложил Миша.

Все согласились. Следующий день была суббота.

— Я маму с папой постараюсь в кино отправить, — сказала Оля.

Отсутствие родителей обеспечено

— Мама, завтра в кинотеатрах такой хороший фильм пойдёт! — сказала Оля вечером. — Девочки говорят, надо обязательно посмотреть.

— Давно не была в кино, сходим все вместе, — ответила мама.

— Лучше вы с папой. А мы с девочками — потом.

— Так у нас не получится. Две трети семьи будут по кино ходить, а треть — дома диван просиживать. Идти, так всем.

— А может, и правда сходим вдвоём, — вступил в разговор папа.

И мама удивлённо на него посмотрела.

— У человека важные дела дома, уроков полным-полно, а мы её в кино потащим.

— Вдвоём так вдвоём, — согласилась мама. — Я в обеденный перерыв сбегаю, возьму билеты.

— А в воскресенье? В воскресенье, говорят, в Пушкине интересный праздник.

— Нет, в воскресенье мы с мамой в Пушкин не поедem. Мы будем «Красавицу» испытывать. Прогоним её по трассе. Поедешь? — спросил папа маму.

Мама, конечно, согласилась.

Раньше Оля тоже бы с радостью согласилась, но сейчас она промолчала. Она боялась — вдруг папа станет допытываться, почему она и в воскресенье хочет остаться дома.

Но папа допытываться не стал. Теперь отсутствие родителей было обеспечено.

Пароль «цветы»

— С шести часов звоним к тебе, предложил на другой день Миша. Если скажешь фразу со словом «цветы» — мы сразу собираемcя. Скажешь «стена» — всё отменилось.

— Почему «цветы», можно и другое слово, например, «небо», — попробовала спорить Валя Полякова.

— В другой раз будет «небо», — согласился Миша.

Оля шла домой и думала: «Только бы не перепутать пароль».

Звонки начались через полчаса.

— Найдёнова, ну как, не пора? — заговорщицким голосом матёрого разведчика спросил Олег Саркисян.

Дома ещё никого не было, но Оля не знала, какой пароль произносить, она просто сказала:

— Рано.

Потом, почти одновременно, пришли мама с папой.

— Этот твой фильм, оказывается, из двух серий, — сказала мама, — так что ты ложись спать, нас не жди.

— А начало когда? В семь или в восемь?

— С семи часов оставляем квартиру со всеми стенами, потолком и полом в полное твоё распоряжение, — ответил папа.

Опять зазвонил телефон.

На этот раз спрашивала Лида. Она уже сидела дома у Вали и не могла дожидаться узнать, когда же все соберутся.

— У меня в ответе получилось семь цветов, понимаешь, семь цветов, — сказала Оля.

Но Лида не поняла. — Почему семь?

— Ну ответ такой в моей задаче. Семь часов, то есть семь цветов.

Как раз в это время проходил мимо папа, и Оле показалось, что он весело ей подмигнул.

— Ага-ага! Всё поняла! — обрадовалась наконец Лида. — Будем в семь часов.

И вот все собрались, и можно было приступать к чтению.

Сначала читал Максим Михеев. Потом Валя. Она читала с особенным выражением, как артистка. Потом Миша. Потом Олег. Потом снова Максим.

Читали подряд страницу за страницей.

Потом стали некоторые места пропускать, потому что хотели быстрее узнать, что происходило дальше с капитаном Палтусовым и его командой.

Некоторые записи из дневника капитана Палтусова

20 июня 1911 года. Петербург.

Казалось бы, полная победа, а грустно. Десять лет я добивался этого плавания. Изучал и описывал северные берега, подавал рапорты начальству. Наконец всю последнюю зиму следил за подготовкой судна и снаряжения.

И вот — наш красавец «Святой Пётр» стоит у Николаевского моста. Ликующая публика на берегу, оркестры, жена моя родная с сыном на руках. Мы отдаём швартовы.

И кто бы знал, как в этот момент хотелось мне сбежать с капитанского мостика, перепрыгнуть пока ещё узкую полоску быстро бегущей воды, затеряться среди толпы.

Острая тоска подкатила к сердцу. Но чтобы отогнать такую же тоску от четырнадцати храбрых сердец моей команды, я спрашиваю сверху:

— Боцман, кого посылал цепь драить?

Немудрёная шутка. Но подействовала.

Все заулыбались.

20 июля 1911 года. Архангельская гавань.

Первая серьёзная неприятность.

Штурман Вячеслав Михайлович, золотой человек, сломал ногу. Вокруг Скандинавии шли без него. Он руководил закупкой продуктов и угля в Архангельске.

За день до отплытия споткнуться о ящик и получить сложнейший двойной перелом кости. Как нелепо! Столько было у нас с ним совместных вечеров в мечтаниях, планах и спорах. А теперь придётся ему остаться на берегу. Врачи уверяют, что в тяжёлом климате может не срастись кость.

Взял штурманом Александра Ильича Сергеева, человека мне вовсе не знакомого до сегодняшнего дня. Прежде, до отставки, служил штурманом на канонерке. Охарактеризовали как безупречного знатока своего дела.

Завтра снова проводы, оркестры и, наконец, пройдя устье Двины, направимся в Белое море.

Вячеслав Михайлович, так неудачно сломавший ногу, молодец. Спасибо ему, заготовил четыре бочки первосортной клюквы. Во всегдашней мелочной суете приходится радоваться каждому пустяку. Тем более что клюква — не пустяк. В случае зимовки она уберёжёт нас от цинги. Самое дешёвое и лучшее средство.

22 июля 1911 года.

Белое море. Идём хорошо, на всех парах и парусах.

Штурман, действительно, проявляет себя в деле с лучшей стороны. Со мной подчёркнуто корректен. Плохо, что с командой несколько заносчив: мол, я — благородных кровей, дворянин, а вы все тут — чёрная кость. Но, думаю, обомнётся.

Пока он отказался от наших совместных обедов в кают-компании, ставших уже привычными. Считает, что офицеры должны питаться отдельно от низших чинов, иначе близкое общение расшатает дисциплину. Сказывается привычка, выработанная службой на военных судах.

24 июля 1911 года.

Вот тебе и безупречные деловые качества!

Отстранил штурмана от исполнения обязанностей. Посмел ударить матроса Дягилева по лицу. К чему была бы вся моя работа с подбором команды, когда я из сотен желающих выбрал лишь четырнадцать, если бы на «Святом Петре» воцарились законы мордобоя.

Что делать — ума не приложу! Советовался с фельдшером Ухтомцевым. Сложно, конечно, и без штурмана идти, но тяжеленько будет. С другой стороны, лучше никакого штурмана, чем человек, который в случае зимовки загубит жизнь всей команды.

Решил: при первой возможности ссажу.

Пусть придумывает себе мнимую болезнь. Видите ли, сделал ему, офицеру, замечание, что надо вытирать ноги о тряпку, когда ступаешь на вымытую палубу.

Из таких вот, казалось бы, мелочей и рождаются драмы.

Команда во время обеда изъявила желание помогать мне во всём в своё свободное время. Часов двадцать я не слезал с бочки на мачте, высматривал дорогу между льдами.

Повар у нас преотличный. Готовит с душой, выдумкой. А хороший повар — это четверть успеха любой экспедиции. Другую четверть я кладу на себя, четверть — на команду. А уж последняя четверть — на обыкновенное везение, простое стечение обстоятельств.

25 июля 1911 года.

С утра густой туман, а к тому же полоса тяжёлого старого льда. Сначала пробовали пробиваться, но в тумане не разглядеть, куда именно следует пробиваться. Можно напороться на такие льды, что и вовсе застрянешь. Решил, что благоразумнее остановиться и переждать.

26 июля 1911 года.

Встречный ветер. Идём под парами.

Встретились с торговым судном «Брекет». Капитан сообщил, что пролив Югорский Шар накрепко заперт льдами. У входа в пролив скопилось несколько судов — ждут, пока лёд разрядится.

Ссадил штурмана. До этого несколько раз пытался поговорить с ним. Удивительно, но он искренне убеждён, что был прав, ударив матроса по лицу.

30 июля 1911 года.

Вошли в пролив Югорский Шар. Видимо, в последний раз отдали почту на суда, пережидающие у входа.

Крутимся между льдинами, лавируем, наползаем, давим их и продвигаемся вперёд. Судно ведёт себя превосходно.

Только и команду: полный вперёд, малый назад, лево руля, право руля, снова лево. Рулевое колесо в руках Ивана Пахомова мелькает, словно велосипедное, сам он весь вымок от пота. Отличный рулевой и смыслёный человек этот Иван Пахомов. К тому же, великолепный умелец, может починить любую вещь от паровой машины до карманных часов. В свободные минуты беседую поодиночке со всеми, а с ним с особенным удовольствием.

3 августа 1911 года.

Наконец выходим на чистую воду.

Плотность льда была невиданная мною прежде.

Послал трёх матросов во главе с Иваном Пахомовым. Сложили на берегу столб из камней, а под столбом оставили запаянную жестяную банку с докладом.

Итак, Карское море. Коли удастся благополучно его пересечь и миновать, то самое трудное будет выполнено.

21 августа 1911 года.

Три дня штормило. Теперь же — бесконечные поля битого льда, замедляющие наше продвижение. Но ведь мы и не ожидали одной лишь чистой воды да попутного ветра.

Хорошо ведёт себя молодой попугай, подаренный мне Кольцовым, возвратившимся из южных морей. Мы назвали его Изабеллой. Это единственная на нашем судне дама. Я боялся, что мы застудим её, а то и просто от непривычки к северному климату она заболит. Но попугай ведёт себя бодро. К прежним своим изречениям добавила несколько новых. По утрам потешно объявляет боцманским басом побудку. Обожает, когда почёсывают ей голову. Если не обращать на неё долго внимания, сама тербит клювом руку и наклоняет шею. Немало радости и смеха доставляю я команде, когда сижу во главе обеденного стола с попугаем на плече и руковожу корабельной трапезой.

В команде все здоровы, бодры.

30 августа 1911 года.

Густой туман, а впереди и вокруг — ледовые поля и едва видны между ними проходы. Весь день простоял в вороньем гнезде, так матросы зовут бочку на мачте.

Днём вплотную к судну подошёл белый медведь. Шкура грязная, облезлая, сам тощий. Видимо, принял нас за большой айсберг. Запретил стрелять по нему, хотя охотники нашлись сразу. Дали три гудка. Так забавно он улелётывал!

10 сентября 1911 года.

Десять дней бились в ледяных полях.

Команда измучена, да и я приустал.

Вырвались, наконец, на чистую воду. До намеченного срока выхода к Берингову проливу остался лишь месяц. Повалил большими хлопьями снег, виснет на снастях, не тает.

1 октября 1911 года.

Ещё пять-шесть дней такого ходу, и увидим мыс Дежнёва, Берингов пролив. Так далеко на восток за одну навигацию никому пройти не удавалось. Даже Норденшельд зимовал гораздо западнее того места, где мы сейчас находимся.

Ещё бы неделю такого везения, и угощу я команду японскими мандаринами до конца месяца.

Ледяные поля встречаются, но удаётся отыскать проход.

Судно ведёт себя хорошо, команда отлично.

4 октября 1911 года.

Сглазил! Встретили такой древний, мощный паковый лёд, что и нашему «Святому Петру» не одолеть. Легли в дрейф, чтобы не жечь понапрасну уголь. И всего-то в трёх днях пути от желаемой точки. Потихоньку ледяное поле тащит нас мимо тех мест, которые мы как раз вчера прошли.

Надеюсь лишь на ветры, морское течение, да на чудо, которое взломает лёд и освободит для нас проход к Берингову проливу.

6 октября 1911 года.

Как будто бы вырвались!

Идём по битому льду, ломаем с треском и грохотом молодой лёд и движемся, движемся к мысу Дежнёва! Снова проходим мимо тех мест, которые проходили 2–3 октября.

Уже не только видим, а даже слышим плеск волн по ту сторону.

10 октября 1911 года.

Большое ледяное поле, а дальше — чистая вода и пролив. Хорошо просматривается скалистый берег мыса. Даже не верится, что дошли.

За ледяным полем — чистая вода.

С бочки на мачте вороньего гнезда хорошо видно, как волны по ту сторону поля разбиваются о лёд.

Но мы пока — по эту сторону, и никакое чудо не перенесёт нас через льды, кроме наших собственных усилий.

Рвём лёд порохом — помогает мало. Пилим, колем, рубим — вся команда на льду.

Неужели не пробьёмся, когда осталось так мало до победы?

Кругом настоящая зима, снег. Но погода мягкая.

12 октября 1911 года.

Понимаю, что команда выбилась из сил, но осталось совсем немного. Уже не только видим, а даже слышим плеск волн по ту сторону.

13 октября 1911 года.

Боремся со льдом. Сам только что вернулся с «ледовых работ». Штатает от усталости. Прошли половину.

14 октября 1911 года.

Похоже на то, что пробились. Боюсь и думать об этом...

15 октября 1911 года.

Внезапный ураганный ветер. Гонит и гонит новый лёд из Берингова пролива. А нас вместе с ним несёт на север. Борьба с ураганом нет сил ни у людей, ни у машины.

Вот оно — стечение обстоятельств.

17 октября 1911 года.

За двое суток отнесло так далеко, что нам и за неделю не вернуться. Природа показала нам свою удачу. Ветер стихает, но крепчает мороз. Кругом, куда ни глянь, сплошные ледяные поля.

Как обидно: быть у цели, видеть её, уже ощущать радость победы и в последнее мгновение

потерпеть поражение!

Погожу ещё два-три дня, но если обстоятельства не изменятся к лучшему, будем готовиться к зимовке.

20 октября 1911 года.

Объявил команде о начале зимовки.

Приказал носа не вешать, ибо мы всё же сумели пройти так далеко, как никто до нас не хаживал. А с весной высвободимся изо льда и — привет вам, тёплые моря!

1 января 1912 года.

Новый год встретили преотлично. Были шуточные пожелания в стихах, песни, пляски, праздничный фейерверк.

Многие из команды даже не догадываются, какие богатые дарования они в себе таят. Сейчас, во время зимовки, эти дарования разворачиваются.

Все здоровы, а некоторые слегка располнели. Прежде, дома, мало кто из нас питался так разумно и вкусно, как здесь.

Почти каждую неделю удаётся хорошо поохотиться на медведей. Повар готовит из медвежатины отличные бифштексы. Заодно и продукты экономим.

В каютах тепло и сухо. Сказалась моя (теперь уже прошлогодняя) работа по переоборудованию и утеплению судна. А ведь на всех судах, кроме нансеновского «Фрама», вдоль переборок намерзал лёд, и беспрестанно капало с потолков.

Если бы не ужасный грохот и толчки во время сжатия льда, особенно по ночам, мы чувствовали бы себя как на прекрасном курорте.

Чтобы занять унылое однообразие дней, учу желающих основам штурманского дела. Желающими оказались все. Таким образом, с 11 до 2 часов дня судно напоминает класс мореходного училища.

Принял доклад от фельдшера. Все здоровы, и цинги нет. Спасибо клюкве и физическим упражнениям: бегу, стрельбе, лыжам, которые проводим регулярно.

Убеждён, что от цинги спасает и сырое мясо. Чем ещё объяснить, что прибрежные жители, которые не знают овощей, но постоянно питаются сырым мясом и рыбой, от цинги не страдают вовсе?

Попугай Изабелла жива, здорова, весела и оказалась на удивление разумной.

Забавляет нас своими речами и тем самым помогает поддерживать хорошее настроение.

Ещё раз категорически запретил удаляться от судна без оружия.

Иван Пахомов вызвался делать все наблюдения за Карпова. Прежде он часто ассистировал ему в работе.

14 февраля 1912 года.

Случилось несчастье.

Погиб наш географ Константин Иванович Карпов, так исправно делавший ежедневные наблюдения. Молодой человек в расцвете жизни, и погиб так нелепо.

Вопреки приказу не удаляться без оружия от судна, отошёл без ружья к разрыву между льдами далее чем за версту. Видимо, хотел измерить толщину льда или взять пробу воды.

Мы лишь к ужину спохватились. Искали с фонарями всей командой, пускали ракеты. А когда дошли до места трагедии — было поздно. На него напал белый медведь (судя по следам, довольно крупный).

10 апреля 1912 года.

Находимся в зоне полярного бассейна, которую никто до нас не посещал. И, похоже, что нас подхватило течение, открытое Нансеном. Если так, то из ледяного плена нам вряд ли вырваться по эту сторону полюса.

Вместе с фельдшером и поваром сделали ревизию всему провианту.

Решил немного сократить пайки. Охота пока успешная, и продуктов на два года хватит. Медведи продлят запас пищи ещё на год. А уж через три-то года нас куда-нибудь всяко вынесет. Коли мои подсчёты подтвердятся, то вынесет нас в район между Шпицбергенем и Гренландией к июлю-августу 1914 года.

Так что вместо одного полезного дела прохода по Северному пути — будем делать другое — исследование неизвестных полярных областей океана.

Будем продолжать наблюдения. Выдержало бы судно. А мы — выдержим. И сослужим пользу мировой науке.

20 августа 1912 года.

На выход из плена надежд почти не осталось. Лужи, которые совсем недавно были вокруг судна, промёрзли насквозь. Идёт снег.

Подумываю, не сделать ли через несколько месяцев вылазку на полюс. Совсем от него будем недалече. Как жаль, что Вячеслав Михайлович так неудачно сломал ногу в Архангельске. Вот бы мы сейчас с ним поспорили — кому идти к полюсу, а кому — остаться на судне. А так придётся коротать пленником всё оставшееся время. Команду без капитана оставлять нельзя.

Знал бы, что так будет, взял бы, вопреки запретам врачей, его на борт и срастил бы тут ему ногу.

10 сентября 1912 года.

Случай хотя и пренеприятный, но комичный.

Услышал крик Изабеллы: «Держи вора! Держи вора!» Вошёл в кают-компанию. К переборке

прижался и дрожит Малохаткин. В руке у него две плитки шоколада, на глазах — слёзы.

Он самый молодой в команде и сладкоежка, оказывается. Пробрался в кладовую, пользуясь доверчивостью повара, и стянул шоколад. Изабелла распознала и подняла крик. Как она отличает дурные замыслы, известно лишь ей одной. Но в удивительном чутье её я убеждался уже не раз. И ведь она первая не признала того штурмана, которого мне пришлось через неделю ссадить.

Малохаткин плакал и умолял меня не отдавать его на суд команде. Он откуда-то взял, что я обязательно решу его судить. Раскаяние его было так глубоко и искренне, что я строгим голосом объявил, что на первый раз прощаю и никому не скажу.

11 сентября 1912 года.

Удивительно тихая, мягкая погода.

Вдали, прямо по курсу видны облака странной формы. Такая облачность обычно указывает на землю.

Это мираж? Или причудливое строение из тумана?

Попросил каждого, ни с кем не советуясь, записать свои наблюдения.

Похоже, что виденное нами — реальность.

12 сентября 1912 года.

Нас несёт к земле — могу сказать это точно. Саму землю не видно. Вся она, словно шапкой, накрыта густыми тучами. Что это — результат испарения или вулканической деятельности?

25 сентября 1912 года.

Весь день свободные от работ люди наблюдали за землёй. Но земли так и не видели, её скрывают тучи. Дует сильный ветер, но и он не в силах справиться с облачной шапкой.

Лишь однажды на мгновение в тучах появился разрыв, и мы увидели... (боюсь даже писать — настолько это невероятно). Мы увидели скалистый берег, густо поросший зелёной растительностью, и странные постройки из камня и дерева.

Не знаю, что и думать. Быть может, увиденное нами — лишь результат массовой галлюцинации? Весь день команда так пристально вглядывалась в облака, что могло и не такое померещиться. Или это мираж? Или причудливое строение из тумана?

Попросил каждого, ни с кем не советуясь, записать свои наблюдения.

Похоже, что виденное нами — реальность.

26 сентября 1912 года.

Всю ночь не мог заснуть, думал об увиденном.

Трудно предположить в этой зоне полярного бассейна остров с густой зелёной растительностью, не говоря уже о непонятных строениях. До сих пор все острова, которые мы открывали, были унылы и голы. Но наука и не с такими чудесами сталкивалась.

Неизвестная земля притягивает меня к себе с необыкновенной силой.

Назвал её островом Безветрия, хотя вчера как раз ветер и поднялся.

27 сентября 1912 года.

Завтра нас начнёт относить от «Острова Безветрия», а тайна его так и останется нераскрытой.

Не прощу себе, если пройдем мимо, не высадившись на него. Пишу инструкции фельдшеру на случай оставления мною судна.

Завтра утром всё решится. Возможно, возьму двух-трёх добровольцев, и отправимся на санях с лёгкой брезентовой лодкой-каяком к острову. День пути туда, день обратно. Ничего неожиданного, надеюсь, на судне не произойдёт.

Зато, если виденное нами подтвердится, какой будет подарок мировой науке и какая слава науке русской! Это поважнее десяти Беринговых проливов.

28 сентября 1912 года.

Решено. Сейчас уйду к острову.

Для похода всё подготовил. Старшим на судне оставляю фельдшера. Его помощником — Ивана Пахомова.

Что-то ждёт нас сегодня вечером?

Что дальше?

Дневник обрывался, продолжения не было.

В тот вечер, в воскресенье, когда третью тетрадь дочитали до последней строчки, чуть не поссорились. Валя Полякова уверяла, что таких островов не существует — надо смотреть по телевизору передачу «Очевидное — невероятное», и будешь знать точно. Миша Фраерман, загадочно улыбаясь, говорил:

— А вдруг?

Оля кричала:

— Что же это, им всё почудилось, да? Почудилось?

Максим молчал-молчал, а потом произнес:

— Если дневник попал в наш город, значит, должно быть его продолжение: о том, что было с капитаном дальше, после острова.

Миша Фраерман тут же отправился к сундуку и стал его изучать. Но потайных стен и дна не нашёл.

— История загадочная во всех отношениях, — сказал он.

И тут всех сразу сразил Олег Саркисян. Он сказал, что все приключения, описанные в тетрадях, выдуманы. Потому что это никакой не дневник, а роман. И написал его неизвестный автор, подделываясь под знаменитого капитана.

Все с подозрением посмотрели на Максима.

Максим покраснел и продемонстрировал свои каракули.

— Всё равно, это роман. Может, и не сейчас он сочинён, а давно, потому что бумага старая и чернила выцвели, но это роман, — не сдавался Олег.

Единица хранения 16

В понедельник Максим повёл Олю в Музей Арктики. Ещё несколько дней назад Оле было бы странно идти вот так с мальчишкой. А сейчас она шла рядом с Максимом и спокойно разговаривала. И никто на них особенно не смотрел.

Максим позвонил у служебного входа.

— Он медленно ходит. Пока подойдёт, пока откроет. Я ему вчера вечером по телефону рассказал. Он говорит, приходите немедленно.

Оля никогда в Музее Арктики не была.

И со служебного входа тоже никуда не входила. Она боялась — вдруг откроет дверь злая тётка, станет кричать и ругаться.

Но Максим стоял на крыльце спокойно. Наконец проскрежетал замок и дверь открылась.

Высокий старик в валенках, в телогрейке весело смотрел на них.

— Понимаю, — сказал он. — Это и есть уважаемая владелица дневника Палтусова. «Я не владелица. Просто тетради у нас в сундуке лежали», — хотела его поправить Оля, но промолчала.

Максим пошёл первым, Оля за ним, а следом, шаркая валенками, двигался старик.

— У меня для вас тоже есть кое-какая находка. Профессор Михаил Иванович подсказал, я порылся и нашёл, — говорил старик.

Они вошли в его небольшую комнату, и Оля тут же увидела на столе свои дневники. Те самые тетради, которые вчера разбирали вместе, из-за которых спорили и которые она сама убирала в сундук.

«Неужели папа сам отнёс их в музей?» подумала Оля.

— Весь день сегодня искал в архивах. С войны лежали, и никто к ним не притрагивался.

— Это... это наши тетради? — испуганно спросил Максим. Он даже посмотрел в лицо старику, чтобы убедиться, не шутит ли тот.

Но Матвей Петрович не расслышал последних слов Максима и продолжал:

— Их, говорят, принёс какой-то военный в самом начале войны. Я в эти дни всех старых сотрудников расспросил. И тех, кто работает, и кто на пенсии. Загадочный случай, еле распутал. Тот военный уходил на фронт и оставил тетради Нине Дмитриевне, работнице музея. Нина Дмитриевна не успела зарегистрировать тетради и тут же уехала рыть укрепления. Там почти всю её группу расстрелял фашистский самолёт. Короче, кто принёс, откуда, что это за тетради, неизвестно. Через неделю фашисты стали приближаться к городу, все сотрудники разошлись, кто на фронт, кто в тыл. Тетради, не читая, убрали в архив, написали на них лишь номер. Видите: «Фонд семьдесят два, опись два, единица хранения шестнадцать».

Матвей Петрович перевернул тетради и показал наклеенный ярлык с номерами.

Теперь и Оля, и Максим поняли, что это другие тетради.

— Так с тех пор их никто и не трогал.

Лишь Михаил Иванович знал, что где-то в архиве Палтусова лежат непонятные записи.

— А сегодня я их нашёл, гляжу — да это же самого капитана Палтусова дневники!

Матвей Петрович открыл тетрадь, и Оля увидела на первой странице, на том же самом месте, что и у них, тем же почерком сделанную знакомую запись:

«Казалось бы, полная победа, а грустно. Десять лет я добивался этого плавания...»

— У нас то же самое! — проговорила Оля и растерянно посмотрела на Максима. — Всё то же самое!

Максим выглядел потерянным, как будто заплакать собрался.

Только теперь Матвей Петрович обратил внимание на их слова.

— Как же это может быть — то же самое? — спросил он недоверчиво.

— Точно такие тетради, — повторила Оля. — Эта тетрадь кончается записью про попугая: «Если бы не она, не знаю, каким было бы настроение в нашей кают-компании. Стоит нам собраться на обед, как она откалывает очередной свой номер. Или объявляет: «Кушать подано, господа», или сзывает: «За стол, ребята, быстро за стол!»

Старик перевернул тетрадь, открыл последнюю страницу. И точно — там была эта самая запись.

— Получается, что дневников — два? — проговорил Максим.

— Сейчас я вам покажу ещё одну интересную деталь, — ответил Матвей Петрович и показал внутреннюю сторону обложки тетради. На ней, в самом низу, мелкими буквами было напечатано: «Государственная фабрика писчебумажных принадлежностей. 1941 год». — Как вам нравится это?

И Максим и Оля молчали.

— Понимаете, что я подумал, когда сделал такое открытие? — Матвей Петрович посмотрел на Олю. — Получается, что капитан Палтусов тихо-мирно вернулся из опасного плавания, незаметно жил в городе. А в сорок первом году купил тетради и написал дневник своего плавания. Даже два дневника, если у вас такой же.

— Два одинаковых дневника вообще никто вести не станет, — вставил Максим.

— Да и на капитана Палтусова всё это не похоже.

— Может, кто-нибудь пошутил?

Оле стало так обидно, что кто-то в сорок первом году решил посмеяться над ними, будущими людьми, и вот сейчас они попались.

— И об этом я подумал, — сказал Матвей Петрович. — Но вы сами видели — там всё всерьёз. Надо самому пройти плавание, чтоб так думать и чувствовать. Остаётся одно...

— Есть настоящий дневник, а это просто копия! — почти прокричал Максим. — Кто-то успел переписать только эти тетради, а потом ушёл на фронт и сдал их в музей. Другую копию — оставил у соседей. Точно? — спросил он у Оли.

Оля согласно кивнула.

— Так в науке всегда, — проговорил Матвей Петрович, — неясного после открытия становится ещё больше, чем было прежде.

Попытка

— Что мы теперь ребятам скажем? — спрашивала Оля, когда они с Максимом шли на свою улицу Рубинштейна.

— То и скажем. Переписывать не надо, раз в музее точно такие тетради нашли.

— Знать бы, как звали того человека, который их принёс...

— Тогда и искать бы не потребовалось. Спросил в справочной — и шагай к нему в гости...

И тут Максим неожиданно остановился.

— Точно! — сказал он и засмеялся так, что Оля смотрела на него с удивлением. — Точно! Мы же так и сделаем. Фамилии членов команды нам известны? Известны. А вдруг кто-то из них переписал дневники? Вернулся домой и переписал. Мы возьмём в справочной пятнадцать бланков и заполним их. Я видел, как это делают.

— Они же в прошлом веке родились, с сомнением сказала Оля. — И у некоторых даже отчество неизвестно. Разве можно найти без отчества...

— Если в прошлом веке родился и сейчас живёт, найти можно. Много у тебя знакомых, которые родились в прошлом веке?

Таких знакомых у Оли не было. Если не считать родного прадедушку, живущего в деревне.

Вечером папа сказал Оле:

— Между прочим, мы завтра идём в гости.

Оля сделала вид, что не понимает его намёка.

Тогда папа сказал:

— Между прочим, с семи до десяти квартира остаётся в вашем распоряжении. А в десять —

всем по домам и баюшки-баю. Только пусть твои гости не забывают с собой свои орудия труда. И папа выложил на стол три шариковые ручки: Лиды, Вали и Олега Саркисяна.

Адрес известен

На следующий день паролем было слово «улица».

— Нет, на улицу я не пойду, уроков много, — говорила Оля.

И все звонившие понимали: пора собираться.

Максим составил список команды, и все отправились к справочному киоску покупать бланки.

— Зачем вам так много? — спросила женщина, отсчитав пятнадцать штук.

— Ищем адреса ветеранов, — находчивей всех оказалась Валя.

Вернулись к Оле и сели заполнять бланки. Писали лишь фамилии, имена и у кого знали — отчества. Вместо года рождения писали: прошлый век. Место рождения тоже почти у всех было неизвестно.

— Сдадим сначала половину бланков, а потом другие, — опять предложила Валя. — А то решат ещё, что мы шутим.

С ней согласились.

Валя выглядела всех серьёзнее, и ей доверили переговоры. Все остальные следили за ней издалека.

Валя через минуту вернулась без бланков.

— Ответы будут готовы через полчаса, объяснила она.

Было неизвестно, куда деть эти полчаса. Все решили пойти на вокзал.

А через полчаса подошли к киоску справочной все вместе.

— Только зря работой нагружаете, ворчала женщина — киоскёр. — Такие в нашем городе не проживают.

— Что же теперь делать? — спросила Лида Кокушкина. В эти дни она безропотно выполняла всё, что делали остальные, а сейчас так расстроилась, что была готова заплакать.

— У нас же вторая половина бланков есть! — сказал Максим.

— Думаешь, с этой половиной повезёт? — спросил Олег. — Так только в романах бывает.

С ним спорить не стали. Пошли на Невский к памятнику Екатерине. Там, напротив памятника, у здания Театра комедии тоже был справочный киоск.

В этом киоске их попросили подождать десять минут.

Они только и успели, что перейти Невский, обойти вокруг памятника со скульптурами государственных людей и вернуться назад.

— Только один проживает, — сказала женщина-киоскёр, — остальные, наверное, уже умерли, если в прошлом веке родились. А один — жив.

И она протянула им их же листок.

На листке рукой женщины было вписано «Петрович». То есть, если раньше значилось Пахомов Иван, то теперь — Пахомов Иван Петрович. Вместо слов «прошлый век» было написано — «1890 год». А внизу адрес: Тарховка, Зелёная улица, дом 10.

— За городом живёт, потому и сберёг себя, — сказала женщина.

Им не верилось в это чудо. Неужели это был тот самый Иван Пахомов, о котором писал капитан Палтусов, что он «вызвался делать все наблюдения за Карпова». Тот самый, который остался помощником при фельдшере, когда капитан ушёл к острову Безветрия?

Все отошли от киоска к стене дома, собрались в кучку, глядели на бумажный листок, зажатый в руке Максима, и молчали.

К Пахомову Ивану Петровичу можно было ехать на электричке хоть сегодня.

— Поехали? — спросил Миша.

— В воскресенье, — сказала Валя.

И все с ней согласились, хотя каждому хотелось поехать и всё узнать немедленно.

Лучшие люди

Неделя тянулась долго. Каждое утро Оля пересчитывала дни.

В четверг произошёл смешной случай, на который никто не обратил внимания, кроме Максима. Может быть, потому что с Максимом как раз этот случай произошёл.

Они шли по Загородному проспекту Оля, Максим и Миша. Ходили после школы в канцелярский магазин за миллиметровой бумагой. Назад возвращались мимо доски Почёта. Там, на Загородном, стоит доска с фотографиями «Лучшие люди района». Мимо этой доски Оля всегда старалась пробегать быстро, потому что на ней, на красном фоне среди многих фотографий висят портреты её мамы и папы.

— Ещё бы Олю сюда и была бы полная семья, — смеялся папа, когда они проезжали мимо Доски почёта.

Оле всегда было неловко около этой доски. Казалось, что все прохожие её разглядывают.

В этот раз они разговаривали о чём-то интересном, и Оля про доску забыла.

И вдруг Максим оборвал разговор, остановился и уставился на портреты.

— Ты чего? — удивился Миша.

— Палтусов! — громко прошептал Максим. — Портрет Палтусова на доске.

Миша посмотрел, куда показывал Максим, и тоже удивился:

— Правда!

— Где? — не могла понять Оля.

— Да вон там!

Все трое подошли к доске, и тут Максим разочарованно прочитал:

— Найдёнов Н. Н., конструктор автомобилей. Так это же твой отец!

Оля опустила голову, чтобы не было заметно, как она покраснела, и тихо ответила:

— Да, отец.

И Миша потом всю дорогу шутил:

— Витуса Беринга ты там не заметил? А Магеллана не встретил? Тебе теперь все Палтусовыми кажутся. Может быть, я похож? Или она?

— Нет, ты не похож, — серьёзно отвечал Максим.

Ссора

В субботу все опять перессорились. Шли из школы вместе.

Олег, размахивая портфелем, говорил что-то о новом романе, который он придумал написать.

Миша предлагал перейти в разговорах о деле на тайный шифрованный язык. Этот язык он уже составил.

Лида неожиданно остановила всех, открыла портфель и стала показывать рукоделие — кофточку, которую она связала для куклы.

— Смотрите, какая хорошенькая! И цветочки голубенькие, — говорила Лида. — Хороший фасончик, правда? — стала допытываться она у Максима.

И Максим не выдержал.

— Нам о деле надо думать, а вы ерундой занимаетесь — кофточки-шарфики!

Валя тоже его поддержала:

— Как не стыдно, Лидка! Выброси ты эту тряпку.

Лида отвернулась, но всем стало по понятно, что она плачет.

— Это не ерунда, это кофточка, — проговорила она, тихо всхлипнув.

— Ну и выброси свою кофточку! — повторила Валя командирским голосом. — И вы, мальчишки, тоже забудьте про свою ерунду. Давайте заниматься главным.

— Ты и занимайся, — сказал неожиданно Миша, — а для меня мои дела не ерунда.

Он повернулся и перешёл на другую сторону улицы, насвистывая «Во поле берёзонька стояла».

— Подумаешь, без тебя обойдётся! — крикнула ему вслед Валя. А потом добавила злым голосом: — Предатель!

— Он не предатель, — сказал Олег.

— А кто же он тогда, кто?! Подумаешь, без него обойдётся!

— Я тоже уйду, — тихо проговорил Олег и повернул вслед за Мишей.

А Лида закрыла лицо руками, всхлипывала она теперь уже громко. Да так и пошла от них, плача и натываясь на прохожих.

— Кто следующий? — спросила Валя прежним командирским голосом. И вдруг поняла, что следующими могут быть только Максим и Оля.

— Ну зачем ты так, Валя? — Оля и сама уже чуть не плакала.

— Зачем?! «Зачем» — спрашиваешь? А почему это я всё время одна должна обо всем и думать и всё предлагать? Будто мне больше всех надо... — Валя поглядела на Олю с Максимом, словно видела их в первый раз, и вдруг сказала:

— У меня своих дел много, поняли? Не хочу я больше с вами заниматься!

И быстро пошла вперед.

Оля и Максим уныло брели по улице Рубинштейна, Оля впервые почувствовала, как им одиноко.

— Как же мы завтра-то поедим? — спросила она. Максим не ответил, только вздохнул и пожал плечами.

Вечером Максим позвонил по телефону.

— Ну что? Никто не приходил?

— Никто, — сказала Оля и сразу же повесила трубку, потому что неожиданно для самой себя всхлинула, совсем так же, как недавно всхлипывала Лида.

Вечером она лежала в кровати, слушала ночной уличный шум, и было ей очень грустно. Она тихо плакала в подушку, да так со слезами и заснула.

Утром ей не хотелось никуда ехать.

Она с трудом пересилила себя... Но зато на вокзале, когда у стены с расписанием пригородных поездов вдруг увидела всех своих ребят, снова почувствовала себя спокойно и уверенно.

Правда, у каждого, даже почему-то и у Максима, вид был слегка виноватый. Они сели в электричку, и Валя первой начала разговор.

— Прости, Лида, я тебя вчера обидела, — сказала она.

— Да что ты, Валя, это я тебя обидела, ответила Лида. — У меня есть ириски с собой, хотите?

Лида полезла за ирисками, и было видно, как она с трудом удерживается от слёз.

— Пусть каждый занимается своими увлечениями и не мешает друг другу. Но пусть у нас у всех будет и общее дело, — проговорил вдруг Миша, словно древний мудрец.

Все молча с ним согласились. Электричка тронулась. Олег стал рассказывать очередную, только что придуманную им историю, все заулыбались, а Оля почувствовала, как хорошо было им сидеть рядом и смотреть друг на друга.

Что вам угодно, молодые люди?

Перед домом 10 на Зелёной улице был невысокий заборчик.

За забором двое пилили дрова. Один молодой парень, а другой — старик с совершенно белыми волосами.

Это был Пахомов Иван Петрович тут и догадываться не надо было.

— Извините, пожалуйста, Пахомов Иван Петрович здесь живёт? — спросила через забор Валя. Всё-таки она была самой смелой.

Молодой парень остановил пилу, оглянулся на них и ответил:

— Здесь!

Старик стоял к ребятам боком, но по чему-то не хотел обращать на них внимания.

— Дед! Тебя спрашивают, — закричал парень и показал на ребят.

Старик заулыбался, закивал.

— Сейчас-сейчас, прошу подождать, я схожу в дом за слуховым аппаратом.

— Как же мы говорить-то с ним будем? — испугалась Оля.

— Нормально... — успокоил всех Миша.

— Вы проходите, сейчас дед вернётся.

Старик уже шёл к ним, нёс в руке микрофон. Проводок от микрофона тянулся за ухо.

— Пожалуйста, что вам угодно, молодые люди? — спросил старик — Не обращайтесь внимания на мой аппарат. Он у меня старый, зато надёжный.

Ребята растерялись. Они не знали, с чего начать.

Наконец Максим решился, шагнул вперёд и громким хриплым голосом прокричал:

— Вы плавали на «Святом Петре»?

— Говорите, пожалуйста, тише. Мой аппарат не принимает громкие звуки, — попросил старик. Он и сам разговаривал негромко.

— Они спрашивают, плавал ли ты на «Святом Петре», — сказал парень, улыбнувшись.

— На «Святом Петре?»

Переспросил старик шёпотом. Было видно, как сильно он растерялся. Он даже попятился и сел на широкий пень. Несколько мгновений он просто шевелил губами, а потом ещё раз переспросил:

— На «Святом Петре»? Как вы об этом узнали? И позвольте спросить, молодые люди, кто вам назвал мой адрес?

— Никто... — ответила Валя. — Мы его в справочном бюро узнали.

— Что же мы тут стоим... Пойдёмте в дом, там тепло. Там я постараюсь ответить на ваши вопросы. Предполагаю, что вас интересует это давнее несчастливое плавание?

— Да, — подтвердил Максим. — Именно оно нас и интересует.

— Да, я плавал на «Святом Петре», если можно назвать плаванием наш долгий дрейф... — проговорил старик, когда все вошли в дом, сняли пальто и расселись в комнате на диване и на стульях.

Валя тут же вытащила из сумки маленький магнитофон, который родители позволили ей взять с собой, и включила запись.

— Но с тех пор прошло... — продолжал старик, — Игнат! Сколько же с тех пор прошло лет? — спросил он у парня.

— Семьдесят, — проговорил с уважением парень.

— Семьдесят... — Старик помолчал. — Несколько жизней прошло с тех пор. Да да, молодые люди, я с тех пор прожил несколько жизней!

Шесть жизней Ивана Петровича, рассказанные им самим и записанные Валей на магнитофон

Первая жизнь Ивана Петровича

Я был крепким парнем и плавал на зверобойных судах с шестнадцати лет. Об экспедиции капитана Палтусова узнал из газет. В то время все газеты сообщали о его смелых намерениях.

За свои деньги я добрался из Архангельска до Петербурга, отыскал капитана и сказал, что готов идти с ним вместе.

Юрий Тихонович не хотел набирать команду из случайных людей. С каждым он беседовал лично, а потом кандидата осматривал врач. Меня тоже осматривал, хотя отменное моё здоровье было заметно сразу.

День отплытия «Святого Петра» был праздником для всех. Публика рукоплескала. На набережной играли два духовых оркестра.

И что удивительно — с первого дня на судне установился особенный порядок. Обычно корабельные офицеры — капитан, штурман — обедают отдельно от низших чинов, не разделяют их грубую неказистую еду. Юрий Тихонович обедал вместе с нами, любил развлекать нас, простых матросов, забавными историями из жизни мореплавателей. Потом он надевал робу и вместе с нами грузил бочки, тяжёлые ящики, уголь. И в каждом деле был впереди. Но к порядку был он строг и с каждого спрашивал сурово.

В ту навигацию мы сумели пройти только через Югорский Шар, и то благодаря опыту и неусыпной вахте нашего капитана в вороньем гнезде.

Цель нашего плавания была велика и необычайна — пройти весь Северный морской путь из Петербурга до Владивостока за одну навигацию. И в тот момент, когда после многих усилий все мы уже облегчённо вздохнули, уверовав в победу, на судно налетел ураган, и мы были унесены вместе с ледяными полями в неизвестные зоны полярного бассейна.

Юрий Тихонович объявил нам о начале зимовки.

Обычно офицеры мало интересуются отдыхом команды. Матросы проводят свободное время неразумно, в глупых играх и мелких ссорах. При свете керосиновой лампы он собирал команду в кают-компанию за длинным столом и читал нам книги наших известных писателей.

В другой день — проводил занятия по навигации, штурманскому делу. Потом с желающими занимался языками. И фельдшер, и географ тоже постоянно проводили с нами занятия.

Большинство из нас прежде были людьми невежественными. Но благодаря тому дрейфу многому научились, многое узнали из начальных наук.

Огромное ледяное поле окружало нашего «Святого Петра». Летом мы пробовали подрывать лед порохом, долбили ломами, но всё было безрезультатно. Течение, открытое великим Нансеном, несло нас вместе с ледяным полем вокруг Северного полюса по океану.

Юрий Тихонович вычислил, что если судно будет цело, то через два-три года нас вынесет к Гренландии.

И тут на пути нашего ледяного поля и встал тот злосчастный остров.

В первые дни мы с удивлением смотрели на густую тучу, севшую в десятке миль от нас прямо на лед. Уже тогда Юрий Тихонович предположил землю. Была мягкая спокойная погода. Юрий Тихонович при мне нанес остров на карту и назвал его островом Безветрия.

Когда на другой день задул ветер, он пошутил, что теперь уж название не изменишь.

За ночь ветер стал штормовым, но тучи плотно сидели над льдами, лишь однажды на минуту сделались разреженнее. И тогда мы увидели обрывистые скалы, густо поросшие зеленью, а на скалах и в подзорную трубу и даже простым глазом можно было видеть удивительные строения из камня и дерева.

Наше ледяное поле уже уносило нас от острова, когда капитан Палтусов решился проверить виденное и им, и командой. Все это казалось ему невероятным — откуда среди полярного бассейна взялась зелёному острову да ещё со странными строениями?!

Он взял сани, легкую лодку-каяк, продовольствия на четыре дня и вместе с добровольцами отправился в путь. Я бы тоже пошел с ним, но мне он приказал остаться на судне и быть помощником фельдшеру. Фельдшер же оставался за капитана, так как штурмана с нами не было.

Вся команда с судна наблюдала за их продвижением. К заходу солнца они уже были вблизи от острова и скрылись в тумане.

Следующие дни судно относило всё дальше, и мы с нетерпением ждали возвращения нашего капитана.

Капитан не вернулся ни на четвертый день, ни на пятый.

Фельдшер, оставшийся за него, послал спасательную группу из пятерых людей. И опять я рвался вместе с ними, но фельдшер, как и капитан, велел мне оставаться на судне.

Через десять дней мы поняли, что и спасательная группа не вернется.

Тогда мы тайно, ночью, собрали снаряжение, а утром объявили фельдшеру, что уходим к острову, едва видимому на горизонте, и без капитана или хотя бы без известий о нём не вернёмся.

Фельдшер ответил, что пожертвовать собой — невелика заслуга, и коли так, он сам возглавит группу. А меня же, как своего помощника, оставляет стеречь судно.

Они взяли с собой несколько десятков сигнальных флажков, чтобы отмечать дорогу, и ушли.

Как я ругал себя потом долгими ночами за то, что не послушался его приказа, остался на пустом корабле среди ледовых полей!

Группа ушла, но ещё и на другой день я мог следить за её продвижением к острову.

А потом она исчезла и не вернулась.

На судне остались лишь я да попугай Изабелла.

Вторая жизнь Ивана Петровича

Следующие два года тянулись для меня дольше, чем вся моя жизнь. Я ходил по пустым помещениям судна, перебирал личные вещи товарищей, приводил их в порядок. Сколько раз мне слышались их голоса, смех, и я опрометью выбегал на палубу, чтобы обнаружить, что судно по-прежнему пустынно, а я один.

Порой мне казалось, что я уже мёртв и брожу по мёртвому кораблю в царстве теней. Единственным человеческим голосом, который я слышал, был голос попугая Изабеллы. Когда я подходил к ней, она часто говорила мне:

— Милый мой, одни мы с тобой, совсем одни.

Видимо, я произносил эту фразу сам себе вслух, а она её переняла.

Если бы капитан Палтусов прошедшие полтора года не занимался моим умственным развитием, я бы, очевидно, сошёл с ума или покончил с собой. Теперь же со мной были книги. Я продолжал сам делать наблюдения и отмечал курс корабля на карте.

Мне посчастливилось пристрелить медведя, подошедшего близко к кораблю, и я отрубал от него кусок за куском и переносил в трюм. Так же было и со следующим медведем. Медвежьим салом я отапливал свою каюту. Свежая медвежатина спасала меня от цинги.

На второй год обогреваться стало нечем, уголь я берёг для машины, а керосин кончился. Я разбирал многочисленные, ненужные теперь переборки и сжигал их в своей печурке. Так постепенно я многое сжёг на корабле.

Юрий Тихонович был прав: ледяное поле вместе с кораблём медленно двигалось к Гренландии. И, наконец, случилось то, о чём мы мечтали всей командой, собираясь в кают-компании у камина. Судно высвободилось из льда.

Я уже давно подготовил машину к работе. Теперь я был и кочегаром, и капитаном, и палубной командой одновременно.

Я разжёл топку, машина заработала, и на малом ходу я двинулся по курсу, который, как мог, проложил по карте сам, вспомнив всё, чему учился у Юрия Тихоновича.

Я подбрасывал уголь в топку, выбегал на палубу, поворачивал руль, лавируя между льдинами, потом снова спускался к машине, снова бросал уголь и опять опрометью бежал вверх.

Впереди была чистая вода. Впервые за три года судно качалось на волне.

Может быть, оттого, что земля была уже близко и я ослабил внимание, а скорее, просто из-за усталости, я заснул возле топки... И вдруг я почувствовал ужасный удар, меня бросило на стену, раздался громкий треск, какого я не слышал даже тогда, когда корабль сжимали

полярные льды. Судно накренилось.

Я выскочил наверх и понял, что корабля, моего надёжного «Святого Петра», больше не существует. Надо мной возвышалась ледяная гора айсберг. С ним и столкнулся «Святой Пётр». А может быть, и не столкнулся даже, лишь подошёл близко как раз в тот момент, когда айсберг переворачивался, и сейчас часть ледяной горы легла на корабль. Судно кренилось всё больше под её тяжестью, каждую минуту оно могло перевернуться и затонуть.

К счастью, я привык заранее обдумывать всё, и наверху у меня готова была небольшая шлюпка с провизией, спальным мешком. Я боялся, что от удара лодка слетела за борт, но она стояла на месте. Я бросился вниз, схватил попугая Изабеллу и дневники капитана. Для того чтобы взять что-либо ещё, у меня уже не оставалось ни мгновения. Я спустил лодку в воду, сам прыгнул туда вместе с попугаем и портфелем капитана и едва успел отплыть с десяток метров, как «Святой Пётр» перевернулся.

Через несколько минут на том месте, где он только что стоял, колыхался на волнах лишь корабельный хлам.

У меня уже не было никаких сил, что бы бороться за жизнь.

Некоторое время я лежал на дне лодки в спальном мешке. Где-то возле моей головы шевелилась Изабелла.

Потом я поставил парус и за два дня добрался до берегов Гренландии.

Обессиленный, я не смог бы сам выбраться из лодки, если бы меня не заметили местные жители — эскимосы.

Они отвезли меня в свой посёлок и несколько дней ухаживали за мной, не зная, кто я, откуда и как очутился у их берегов.

Третья жизнь Ивана Петровича

Постепенно я набирался сил, стал выходить из хижины. Я помогал эскимосам в их простой работе, научился их языку. От норвежских моряков, зашедших в посёлок, я узнал, что в Европе идёт большая война, а нас давно уже не ждут, считают погибшими.

Капитан предлагал бесплатно отвезти меня на материк, но страх охватывал меня, едва лишь я подходил к берегу. Мне казалось, что стоит кораблю отплыть, как его немедленно закуют льды и утащат в полярную ночь. Рассудком я себя уговаривал, но страх был сильнее рассудка.

В портфеле был лишь личный дневник капитана, фотографии его жены и ребёнка. Я отправил известие о печальном конце экспедиции русскому посольству в Швецию, просил о спасательном судне, давал координаты острова Безветрия, но не получил ответа. Быть может, письмо не сочли важным в то военное время, и оно затерялось среди других депеш.

Вскоре я женился на местной девушке, эскимоске, и стал жить обычной жизнью тамошних охотников и рыбаков.

Попугай Изабелла и портфель с дневником капитана Палтусова — вот всё, что связывало меня с прошлой жизнью. Из газет я узнавал, что в России происходят большие перемены, но у меня уже здесь были семья и дети.

Четвертая жизнь Ивана Петровича

Прошло двадцать лет. Дети мои выросли и стали хорошими охотниками. А я превратился в настоящего эскимоса. Даже приезжие шведские и норвежские моряки не принимали меня за европейца. По-русски я разговаривал лишь с Изабеллой. Но и она постепенно овладевала языком эскимосов.

Тамошние газеты мало писали о жизни моей родины. Иногда я подумывал побывать в Петербурге, разыскать семью капитана и семьи других моих товарищей. Но едва я собирался взойти на судно, как опять страх немедленно овладевал мной. Даже на полмили я боялся отойти от берега.

В сорок первом году я понял, что на Россию надвигается опасность. Как раз в ту зиму умерла моя жена, и я оказался одиноким.

В апреле уже все газеты писали о будущей скорой войне. Я решился, пересилил страх, взял Изабеллу, взял портфель капитана и поднялся на судно.

Через две недели я уже был в Петербурге.

Я пришёл в тот же дом, куда приходил тридцать лет назад молодым искателем приключений. Жена капитана уже скончалась, а их сын жил в той же квартире. Ему было чуть больше тридцати. У него была молодая миловидная жена, Вера Дмитриевна, и двухгодовалый сын, Николенька.

Я оставил им попугая Изабеллу.

И хотя была она моей подругой в самые трудные мои годы, но ведь принадлежала-то она капитану! Попугай Изабелла полюбил ребёнка и принялся напевать колыбельную.

Оставил я им и портфель капитана. Сын капитана, Николай Юрьевич, тут же сел читать дневники отца. Мы договорились увидеться через месяц, но уже через две недели началась война.

Я жил у своего брата за городом. Николай Юрьевич навестил меня, сказал, что успел сделать с дневников отца две копии, а сами дневники оставляет мне и просит хранить их до Победы. Он был в военной форме и формировал батальон добровольцев.

Больше я не видел его...

До победы портфель с дневниками Юрия Тихоновича сохранить не удалось. В дом, где он был спрятан, попала бомба.

Пятая жизнь Ивана Петровича

Скоро на фронт ушёл и я.

Теперь я понимал, что дом мой всегда стоял здесь, в России, а те прошедшие тридцать лет были лишь странным сном... Кинофильмом, который во второй раз на экране не показывают.

Несколько раз я попадал в госпиталь, снова возвращался на фронт и закончил войну на реке Эльбе.

Шестая жизнь Ивана Петровича

Шестая моя жизнь продолжается и сейчас. У меня есть дом и деревья, которые я сам посадил и вырастил. Этот молодой человек — мой правнук, мой двоюродный правнук. Говорят, что он удивительно похож на меня в молодости.

А сегодня вы пришли и впервые за последние сорок лет спросили меня о подробностях того трагического плавания.

Теперь рассказывайте вы. Всё, что знаете о нём.

Был рад помочь вам

— Мы не знаем подробностей, — сказал Максим. — Мы прочитали дневники капитана до того места, где он уходит на остров Безветрия.

— Теперь вы понимаете, что на этом они и оборвались...

Иван Петрович помолчал.

— Где вы нашли эти дневники, точнее говоря, копию дневников?

— В сундуке, у нас дома, — стала объяснять Оля. — Моей бабушке в начале войны их отдал её сосед на сохранение. — И точно такие же дневники есть в Музее Арктики, их принёс молодой военный в начале войны.

— Видимо, это был сын капитана, Николай Юрьевич. Он ведь мне говорил, что сделал две копии... Вам известно что-нибудь о его судьбе?

— Нет, — сказал Максим.

— Жаль. Мы общались с ним мало, но доброе сердце легко разглядеть сразу.

...Ребята приехали в Тарховку, когда солнце было в небе высоко, а сейчас уже темнело.

Двоюродный правнук накрыл на стол и позвал гостей поужинать.

Прощаясь, Иван Петрович каждому уважительно пожал руку.

— Был рад помочь вам своими воспоминаниями, — повторил он на прощание несколько раз.

В электричке

Они возвращались в город. В электричке было светло и пусто. Они сели все вместе на две скамейки и смотрели в окно. За окном была темень, мелькали деревья, дома с освещёнными окнами.

И Оля подумала, как это удивительно получается: ещё несколько недель назад все они шестеро были сами по себе и не очень-то интересны друг другу. А сейчас едут вместе в пустой электричке. Кроме них в вагоне никого. А у них есть общая тайна, общее дело. Наверно, это и называется дружбой, когда люди делают общее дело.

Оля посмотрела на Максима и удивилась, как это она совсем недавно считала его Злейшим Врагом номер один. Та недавняя Оля показалась ей сейчас просто дурочкой.

«Здорово, что мы едем все вместе и дружим», — подумала она и чуть не сказала эти слова

вслух. А если бы сказала их, то никто бы и не удивился, потому что каждый из них в эту минуту думал точно так же.

Письма от Николая Палтусова

Вечером Алины мама и папа рассматривали старинные фотографии в альбоме. Оля тоже любила их рассматривать.

В прабабушкином альбоме были открытки со старинными поздравлениями: «С Рождеством Христовым», «С праздником Святой Пасхи». Так до революции прадедушка Оли, извозчик Савелий, поздравлял прабабушку кухарку Марусеньку. Потом была их общая фотография: прабабушка Маруся — молодая девушка в красивом длинном платье и прадедушка Савелий — усатый кавалер в пиджаке, с галстуком бабочкой, в сапогах с галошами и с тростью.

— Мама, ты так на прабабушку похожа! — каждый раз удивлялась Оля и сейчас удивилась тоже.

Там же, в альбоме, лежало письмо товарищей красноармейца Савелия к уважаемой Марии Степановне о том, что муж её героически погиб в бою с бандитами.

В другом альбоме были фотографии бабушки Зины и дедушки Бориса. Пионерский отряд, все коротко подстрижены, все в одинаковых футболках. В первом ряду мальчишки легли на пол, следующие два ряда сидят, последний ряд — стоит.

Один из мальчишек, опирающийся локтем о пол, чему-то улыбался.

«Я всегда был у твоих ног», — такая была надпись на обратной стороне фотографии.

— Это твой дедушка, — объясняла мама. — Он был весельчаком. Они с бабушкой вместе учились и вместе пошли на завод. И точно — даже на фотографии с надписью «Бригада №5 Механического цеха» они были рядом, и дедушка улыбался.

Дедушка провоевал всю войну, вернулся целым, невредимым и по-прежнему весёлым! Через год, однажды в выходной поехал их цех за грибами в лес. Дедушка больше всех шутил и пел смешные песни. А из леса ехали без него. Он подорвался в лесу на mine, оставшейся от войны. Через шесть месяцев родилась мама...

Сколько раз смотрела Оля эти старые альбомы с фотографиями и поздравительными открытками, и всегда лежали в альбоме два письма, сложенные треугольником. В скобках под бабушкиным адресом на них было написано: «Передать Вере Дмитриевне Палтусовой».

Только сейчас Оля обратила внимание на фамилию. Она даже вздрогнула.

— Мама, откуда эти письма?!

— С фронта. Ты же видишь — обратный адрес «полевая почта». Наш довоенный сосед писал своей жене. Он думал, вдруг она пришлёт моей маме свой адрес, а мы ей перешлём письма. Но адрес она не прислала, и он тоже не вернулся с войны.

Получалось, что Оля много раз держала в руках письма от сына капитана Палтусова и не догадывалась об этом!

— Можно, я их почитаю?

— Что ты, Оля! — испугалась мама. — Чужие письма читать нельзя. Я сама их ни разу не

читала.

— Теперь это не письма, а исторический документ эпохи, — сказал папа. А документы читать можно.

Папа развернул письмо.

«Дорогой мой Николай Николаевич!

— Надо же, — удивился папа, — как будто мне это письмо написано.

Через несколько минут на нас пойдут фашистские танки. В бинокль видно, они уже выстроились. Мы не отступим, но останемся ли жить — не знаю. У нас осталось по две гранаты на каждого, а у пушкарей почти нет снарядов. Как бы я хотел, чтобы это письмо было не последним! Как бы хотел написать тебе ещё много писем или быть сейчас с вами, подбрасывать тебя в воздух, чтоб ты смеялся у меня в руках. Но времени мало, а надо сказать самое главное. Я уверен, ты вырастешь умным, добрым и смелым, как твой дед. Недавно я прочитал его дневники... Я знаю, ты воспитаешь своих детей так, что они будут помнить нас и продолжать наши дела. Потому что самое святое дело теряет смысл, если у него нет продолжателей. Помни меня и моих друзей. Знай, что сейчас мы отдадим наши жизни, чтобы жил ты и твои дети. Я пишу тебе, как большому и умному человеку. А тебе всего лишь два года! Если бы ты знал, как я мечтаю увидеть нашу победу своими глазами!

Твой отец командир батальона Николай Юрьевич Палтусов».

— Вот видишь, — сказала мама и отвернулась, чтобы вытереть слёзы. — Не зря мы храним в сундуке его тетради. Вдруг объявится сын. Прочитает письмо и будет знать об отце.

— Да, — проговорил папа, осторожно складывая письмо, — это и на самом деле документ эпохи. Его, пожалуй, в музей надо сдать, чтоб все читали, все знали.

— А вдруг он не погиб в том бою

, спросила Оля с надеждой. — Он же и второе письмо прислал.

Папа развернул второе.

«Милые мои Верочка, Николенька и Изабелла!

Изабелла, видимо, его родственница, объяснил папа.

— Это попугая у них так звали — Изабелла... — сказала Оля и сразу же замолчала.

— Попугая? — удивился папа. У них тоже был попугай? А ты откуда знаешь?

— Я же вам говорила! — сказала мама.

— Конечно, мне мама рассказывала.

К её маме перед войной пришёл странный человек и принёс попугая. Будто бы этот попугай раньше принадлежал отцу соседа, и человек этого попугая вернул.

— Я же вам говорила! — повторила мама. — Изабелла — смешное имя для птицы, правда?

Нового адреса вашего у меня пока нет, потому пишу на соседский. Они люди добрые — передадут. Всё думаю о вас, как вы доехали, как устроились на новом месте. Понимаю, что вам нелегко, сейчас всем нам трудно, но как-нибудь перетерпим, а после победы наладим новую жизнь».

— Это не второе письмо, а первое, — сказал папа и стал читать дальше:

«Завтра мы наконец занимаем позиции. Бойцы мои рвутся в бой, чтобы поддать фашисту как следует. За меня вы не беспокойтесь. Как говорили раньше: „Обут, одет, накормлен“. Люди у меня подобралась боевые, в обиду друг друга не дадим.

Ваш папа».

— Может, и правда в музей отдать эти письма? — спросила мама. — И письма моего отца тоже. Они с мамой писали друг другу всю войну.

— Буду узнавать, — сказал папа.

Нужен доктор Семёнов

В тот же вечер в семье Максима Михеева произошли события неожиданные и серьёзные.

С Финляндского вокзала Максим вместе со всеми доехал до Владимирской площади на метро, но оттуда пошёл не домой, а в музей к Матвею Петровичу.

В окне у Матвея Петровича горел свет, но двери он не открывал.

Максим даже решил забраться к окну и позвать в форточку: вдруг звонок сломался?

Наконец дверь открылась, Матвей Петрович через силу улыбнулся и проговорил:

— Проходи, браток. Что-то сердце моё не хочет работать. Еле дополз.

В комнате у Матвея Петровича пахло лекарствами. Он сразу лёг на свой диван и спросил:

— Между валерианой и валокордином есть разница, не знаешь?

Максим этими лекарствами пока не пользовался и о разнице не знал.

— Смешал то и другое вместе. Лежу жду, может, помогут. Включай сам плитку, кипяти чай, если есть хочешь. На меня не смотри. И рассказывай, где был, что нового?

— Мы нашли Пахомова со «Святого Петра». Он живёт в Тарховке. Мы сего дня были у него дома.

— У Пахомова?!

Матвей Петрович так удивился, что даже приподнялся. Но тут же схватился за сердце.

— Вот проклятое, поговорить не даст... Ты уверен, что это тот самый Пахомов?

— Так он же нам рассказал, что дальше было со «Святым Петром». Мы на магнитофон всё записали.

И Максим пересказал рассказ о шести жизнях Ивана Петровича.

К концу рассказа зритель разволновался.

— Парень ты мой милый! Да ты ведь новые страницы истории открыл. Самые новые! Михаилу Ивановичу завтра позвоним — вот удивится. Открытия именно так и делаются. Физические законы или теоремы, — они же с нами рядом всегда присутствуют, только мы о них не догадываемся. Но кто-нибудь один, дотошный, обратит на них пристальный взгляд и

всё обнаруживает, и всё доказывает... И на магнитофон записали? Это хорошо — настоящий голос, подлинный. Завтра всё сотрудникам скажу. Такой находки у нас уже много лет не было!

Но про завтрашний день говорить было рано.

— Знаешь что? — попросил смущённо Матвей Петрович. — Позвони моему знакомому, Леониду Григорьевичу. Никогда его не беспокоил, но тут придётся. Позвони и ступай домой. Он полярный врач, и на Севере был, и в Антарктиде.

Максим нашёл в справочной книге телефон доктора Семёнова Леонида Григорьевича и позвонил ему.

В первый момент Леонид Григорьевич не мог понять, кому и зачем он понадобился.

— Я из музея, от Матвея Петровича, объяснил Максим.

— От Матвея Петровича! Так бы сразу и сказали! А что он сам не звонит? Может, в гости заедете?

— Он не может. У него сердце болит, и он просит вас к нему приехать.

— Сердце болит? — голос у доктора Семёнова сразу стал серьёзным. — Сейчас я возьму такси, а вы меня дождитесь. Слышите? А он пусть лежит. Не позволяйте ему вставать.

— Приедет? — спросил Матвей Петрович, приоткрыв глаза.

— Сказал, что на такси. Значит, скоро.

— Ну иди домой, уже поздно.

— Я дождусь, он мне так сказал.

Матвей Петрович закрыл глаза и не ответил.

...Доктор Семёнов приехал минут через двадцать. Максим увидел такси в окно и открыл двери.

Он вошёл в комнату старика и сразу скомандовал:

— Лежать тихо, не шевелиться! Сейчас посмотрим пульс.

Он снял пальто, присел на диване и взял руку смотрящего.

Максим при этом стоял у дверей, стараясь не дышать, чтобы не помешать.

Потом доктор Семёнов послушал сердце и поднялся.

— Ну что сердце моё настучало? — спросил старик.

— Вызовем машину, а там посмотрим, может, и пустяк всё это.

— Какую машину? Я в больницу не поеду, мне музей оставлять нельзя.

— А мы о больнице пока и не говорим.

Весёлым неестественным голосом он заговорил по телефону с какой-то Ниночкой, уговаривал её быстрее приехать к старику, несколько раз повторил слово «кардиограмма».

— Уж не обманите нас! — говорил он в трубку. И как только положил трубку, снова стал серьёзным.

— Ты где живёшь? — спросил Максима.

— На Рубинштейна.

— И проводить тебя некому, — доктор покачал головой. — Старика оставлять боюсь. Похоже на инфаркт. Родители знают, где ты?

— Знают, — соврал Максим.

— Тогда сиди пока с нами. Может, понадобится. А потом, если всё будет в порядке, я тебя отвезу.

— Я здесь останусь.

— Ладно, оставайся.

— Леонид Григорьевич, — позвал из комнаты старик. — Что вы там секретничаете? Вы уж лучше вслух.

— До выяснения обстановки приказываю молчать! — скомандовал доктор Семёнов. — Я пока по вашему залу схожу, давно тут не был.

Доктор Семёнов поднялся на второй этаж, в зал Антарктики. Он обходил стенды с фотографиями, у некоторых останавливался, удивлялся, вздыхал.

— Смотри-ка, — сказал он Максиму, который тоже поднялся в зал. — А Федя-то всё ещё бравый. А вот и дядя Дима!

У фотографии «Антарктида. Демонстрация 1 Мая в посёлке Мирный» он задержался надолго.

— Всё мои пациенты, — показал он Максиму. — А я сам с краешку.

Наконец приехала немолодая женщина в белом халате с аппаратом в чемоданчике.

— Заранее вам спасибо, Ниночка, сказал доктор Семёнов. — Вы быстры, как молния.

— Инфарктный сегодня день, — объяснила она, — только и мечемся по городу. Сейчас сделаем кардиограмму и всё скажем.

Максима они оставили в зале, потому что места в узкой комнате ему не хватило. Максим ходил около дверей, в комнате негромко переговаривались взрослые, но он в их разговор не вслушивался.

Потом женщина вышла. Лицо её было строго.

— Машину вызову по рации, а вы следите за больным, двигаться ему нельзя.

— Инфаркт, — сказал доктор Семёнов, поморщившись, когда они с Максимом остались в зале вдвоём. — Ничего, вытащим старика, куда он от нас не денется.

Следующий час они снова ждали...

Матвей Петрович время от времени открывал глаза и упрямо повторял:

— Сказал не поеду. Не поеду до девяти утра, пока сотрудники не придут. Музей не брошу.

Была уже настоящая ночь, но Максим даже и не думал о сне.

Доктор Семёнов нервно курил в зале, и Максим не знал, чем помочь.

— У старика сейчас адская боль, он просто виду не подаёт. Понимаешь, у него то, что раньше называли «разрыв сердца». «Умер от разрыва сердца» — читал, наверное, такое.

Машина осветила окна фарами. «Специализированная скорая помощь», — прочитал Максим. Вошли два санитаря с носилками.

— Не поеду, — снова повторил смотритель.

И Максим понимал, что выговаривает он эти слова с трудом.

— Да Максим здесь останется, ваш подшефный, — вдруг сказал доктор Семёнов. — Подежурит до девяти. А потом в школу. Останешься ведь? Не боишься?

Максим молча кивнул, хотя и почувствовал страх.

— А я с вами поеду, помогу в больнице, если что...

Старик больше не спорил.

Доктор Семёнов помог переложить Матвея Петровича на носилки.

Все они двинулись к выходу. Максим тихо шёл сзади.

У двери доктор Семёнов повернулся к нему, положил руку на плечо.

— Я тебе утром сюда позвоню. А ты мой телефон запиши. Мы ещё друг другу будем нужны.

Машина снова осветила фарами окна, развернулась и исчезла.

Максим остался во всём музее один.

Тревога

А в это время родители Максима не спали.

Сначала у них был день как день, обычное воскресенье. Они привыкли, что сына их постоянно нет дома. Придёт из школы, поест, уроки сделает быстро и куда-то уходит. А если дома — то тихо сидит в углу и рисует карты с маршрутами путешествий или читает книги о полярных мореплавателях.

Родители при этом ссорились в своё удовольствие, Максима не замечали.

В воскресенье они хватились его за ужином.

— С утра не ел, и хоть бы что... Бродит где-то, — сказала мать. — А ты спокойно посвистываешь и никаких забот.

— От твоего обеда любой убежал бы: суп горит, картошку пересолила, — ответил отец. — А заботы у меня есть. О новом проекте размышляю.

Так у них началась очередная, сороковая за этот день, мелкая ссора. О сыне они на время

забыли.

Потом, когда на улице совсем стемнело, отец и мать забеспокоились всерьёз.

— Он тебе не говорил, может, к кому на день рождения отправился? — спросил отец.

— Если родному отцу не сказал, почему он мне должен говорить? — ответила мать.

И впервые отец не стал с ней спорить.

Он надел пальто, вышел на улицу — просто подышать свежим воздухом. На самом деле, он вглядывался во всех приближающихся: не сын ли это. Но сына не было.

Кремлёвские куранты пробили по радио полночь. Сын домой не пришёл.

— Надо что-то делать, — сказала мать. — Что ты сидишь сложа руки?

— Я думаю, подождём ещё полчаса и будем куда-нибудь звонить.

Они просидели эти полчаса друг против друга молча, часто оглядываясь на часы.

— Пойду звонить, — поднялся отец.

Ему было страшно произнести вслух названия учреждений — милиция, больница.

Мать тихо заплакала.

— А всё ты, всё ты, споришь со мной... Вот и создали ребенку ад, — сказала она сквозь слёзы.

— Да и ты хороша, — отец вздохнул, но продолжать не стал, а пошёл снова на улицу к телефону-автомату.

Следующий час он звонил то в милицию и больничные приёмные покои, то бегал домой — вдруг сын уже вернулся и пьёт дома чай.

Ни в милиции, ни в больницах о Максиме Михееве, мальчике двенадцати лет, не знали.

— С кем хоть он дружил, ты не помнишь? — спросил отец.

— Не знаю, — отвечала мать, по-прежнему плача. — Слышала от него про Олю Найдёнову, их посадили за одну парту.

К счастью, когда Максим учился ещё в первом классе, на первом родительском собрании его отец сидел рядом с отцом Оли Найдёновой. Настроение было тогда у родителей праздничное. Ещё бы — их дети уже выросли, уже в школу пошли. И отец Максима проводил отца Оли Найдёновой до самого дома с грифонами, а потом зашёл даже к ним на часок, посмотреть футбол по телевизору.

Память у отца Максима была отличная — стоило ему пройти самой запутанной дорогой хоть раз, он запоминал эту дорогу навсегда.

— Может, сходим к ним, вдруг они знают что-нибудь? — предложил он неуверенно.

И мать Максима не стала спорить.

Она только испуганно покачала головой:

— Поздно уже. Завтра всем на работу.

О том, что им завтра тоже на работу, они уже не думали. Они думали только о сыне.

Они посидели ещё около часа, напряжённо вслушиваясь в каждый звук на улице. Потом отец встал и сказал коротко:

— Одевайся, пошли.

И снова мать не стала спорить, а молча и быстро оделась.

Они шли по пустынной улице и впервые за двенадцать с лишним лет оба думали одинаково.

Конечно, она права, это я во всём виноват. Нет, чтобы сказать доброе слово, уступить, когда надо. А я только спорю по пустякам. Ребёнок должен любить семью. Его должно тянуть домой. А он, наоборот, от дома бегаёт. Создали ему ад. И тут же он поклялся себе: только бы найти сына! Лишь бы встретить его здоровым и невредимым! В семье начнётся новая жизнь, это от него — отца, мужчины — зависит мир и покой в семье.

Удивительно, но то же самое думала про себя мать.

Да, конечно, виновата она. Она женщина, мама. От неё должны идти покой, ласка и хорошее настроение. Только бы нашёлся сын, и уж она сделает всё, чтобы семья жила по-новому.

Они поднялись на третий этаж и остановились у двери Найдёновых в нерешительности. Весь город давно спал.

Отец нажал на звонок. Нажал ещё раз и ещё...

Удивительная экскурсия

Оля крепко спала, когда её разбудила встревоженная мама. Яркий свет бил в глаза. В клетке ворочался Орлик и недовольно командовал:

— Койки катать, на молитву становиться!

— Оля, Оленька, проснись — повторяла мама, — родители Максима пришли.

Посреди комнаты на стульях сидели отец и мать Максима.

Оля ещё наполовину спала, когда вошла в комнату.

— Максим домой не вернулся, — сказал его отец. — Ты не знаешь, он, может, куда уехать собирался?

— Он не говорил. Мы из метро вышли вместе, а дальше я одна пошла.

Тут её стали спрашивать, куда они ездили и зачем.

И волей — неволей пришлось рассказать про Тарховку. Что они нашли Ивана Петровича, спутника капитана Палтусова, а его дневники хранятся в Музее Арктики, И точно такие же дневники лежат здесь, в сундуке.

Про всё это родители слушали с удивлением. Мама Максима даже перестала плакать и только ойкала от изумления.

— Может, он назад в Тарховку поехал к тому старику? — предположила она.

Оля отрицательно покачала головой.

— Я пошла домой, а они все вместе по Владимирскому проспекту.

— Так вот зачем ты отсылала нас в кино... Вы изучали дневники!

— Одеваемся и пойдём к другим, — решительно сказал Олин папа. — Кто ближе всех живёт?

Минут через пятнадцать шли уже ввосьмером: шестеро родителей и Оля с Валей.

Разбуженный Миша сказал, что они зашли вместе в магазин «Природа», а потом Максим пошёл вдвоём с Олегом Саркисяном.

Теперь их повёл Миша. Родителей было уже так много, что они заполнили тротуар от края до края. Одиноким милиционер на пустынной улице смотрел на них долго и пристально.

Олег сказал, что Максим собирался пойти к какому-то Матвею Петровичу и звал его с собой. Кто такой Матвей Петрович, Олег не знал. Зато знала Оля.

— Он в Музее Арктики работает! И живёт тоже там.

Теперь все ребята и все родители отправились к музею. Не хватало только Лиды и её родителей.

Оля обвела всех вокруг старинного здания, подошла к служебному входу.

— Да вон же он! Я в окно его вижу! — радостно воскликнула мать Максима. — Сидит за столом и что-то рисует.

Максим открыл дверь и, увидев среди ночи толпу родителей, испугался.

— Живой! — сказала Максимова мама и в который раз заплакала. А отец, на оборот, стал громко смеяться и всё повторял:

— Ну и напугал! Всех на ноги поднял.

Максим закрыл вход и провёл их в полутёмный зал.

— Ты что тут делаешь, сынок? — спросила, наконец, мать.

— Музей охраняю. Матвея Петровича увезли в больницу, а я остался.

— Ты бы хоть нам позвонил, — сказал Олин папа, — а я бы сходил к вам.

— Господи, надо валерьянки выпить, что ли. — Мама Максима накапала в стакан валерьянки со стола Матвея Петровича и добавила воды из графина.

Вслед за нею накапали себе валерианки и другие матери.

Отцы вышли в главный музейный зал.

— Ну и что ты тут караулишь? Хоть бы рассказал нам, — предложил отец Максима. Он считал себя главным виновником случившегося.

Максим взял указку, зажёл подсветку под экспонатами и стал вести экскурсию.

Он начал рассказ от первых новгородских мореплавателей — ушкуйников, от златокипящей Мангазеи, а потом говорил о Баренце, Лазареве, о Нансене и Амундсене.

Когда Максим стал рассказывать о капитане Палтусове, Валя объявила:

— Это мы вместе открыли.

— В истории капитана Палтусова пока много неизвестного, — закончил Максим и как-то по-особенному посмотрел на Олю и её отца.

Пожалуй, такой экскурсии никогда ещё не было в Арктическом музее со дня его основания.

С пяти часов ночи до семи утра родители и их дети плотной группой ходили вслед за двенадцатилетним экскурсоводом, хорошо им знакомым Максимом Михеевым, и, удивляясь, слушали о славных подвигах полярных исследователей.

Максим мог бы говорить и дальше, но тут зазвонил телефон. Трубку снял отец Оли, потому что он был ближе всех к аппарату.

Он удивлённо послушал, потом проговорил:

— Всё правильно, это музей, сейчас передам.

— Максим? Всё в порядке. Леонид Григорьевич говорит, — услышал Максим. — Всё в порядке, говорю. Матвей Петрович в реанимации. Главная опасность, я думаю, миновала.

— Хорошо бы попить хотя бы чаю перед работой, — предложил Олин отец, когда Максим передал всем, что сказал ему доктор Семёнов. Отец посмотрел на других родителей и добавил:

— А всё-таки дружные мы люди! Хорошие!

В этот день ребята опоздали на первый урок. Но удивительное дело, их за это ни кто не ругал. Даже наоборот, класс ждал их с нетерпением.

А директор школы встречал у входа.

Ещё бы! Директору школы позвонил директор музея и передал благодарность за то, что его ученики дружно охраняли реликвии освоения Арктики и Антарктики.

Приглашение

Каждый нёс с собой яблоки, пирожки, печенье, конфеты, варенье. И на тумбочке старика скоро образовался продуктовый склад. Никогда раньше у него не было так много вкусных вещей одновременно.

Кончилось это тем, что Матвей Петрович временно запретил приносить съестное, а каждого пришедшего стал сам угощать конфетами и яблоками.

...В субботу вечером в Олином доме раздался телефонный звонок. Трубку снял папа.

Пожилый мужчина просил позвать к телефону Ольгу Найдёнову.

— Это говорит Михаил Иванович. Ты, возможно, слышала обо мне от Матвея Петровича, — представился человек, и Оля поняла, что ей звонит известный профессор истории.

— Максима мне найти трудно, поэтому я звоню тебе. Матвей Петрович рассказал мне о ваших последних находках, — сказал профессор. — На следующей неделе, в пятницу, в шесть вечера у нас научная конференция. Приглашаю вас всех вместе пожаловать к нам. Мы

с интересом послушаем ваше сообщение. Сможете?

— Постараемся, — сказала она.

— Да уж постарайтесь, пожалуйста, — весело проговорил Михаил Иванович. — И конечно, ваших мам и пап приглашаем тоже. Такие события у нас происходят не каждый год.

Оля положила трубку и почувствовала в папином взгляде вопрос.

— Михаил Иванович звонил, профессор, — объяснила она. — Приглашает на научную конференцию.

— Ты подумай! — папа подмигнул маме. — Нашей дочери звонит профессор и приглашает на научную конференцию.

— Ну и что, значит, заслужила, — серьёзно ответила мама. — Нас, например, не приглашают.

— Вас тоже приглашают, — сказала Оля.

Просьба Максима

В воскресенье Оля зашла к Максиму.

Её встретил отец Максима в цветастом переднике. Он мыл на кухне посуду.

Мать Максима из одинакового материала в красный горошек шила на машинке три рубашки — две мужчинам и одну себе. Чтобы все видели, что идёт одна семья.

Максим сидел в своём углу за письменным столом и рисовал большую карту с маршрутом «Святого Петра».

Когда Оля сказала ему про научную конференцию, он деловито кивнул:

— Надо нам собраться и прорепетировать наши выступления.

— Может, ты один будешь, а мы слушаем.

— Будем все вместе, — не согласился Максим. — А сегодня, часов в пять, не выходи, пожалуйста, из дома. Родители твои куда не собирались? — спросил он с беспокойством в голосе.

— Никуда. — Оля не понимала, зачем он спрашивает.

— Если соберутся, удержи. Очень надо. К вам придут интересные гости.

Что за гости, Максим говорить не хотел. А Оля допытываться не стала. Раз секрет до времени, значит, так положено.

Если бы...

Если бы Оля в среду вечером ходила вслед за Максимом, она бы о многом догадалась.

Сначала Максим подошёл к доске Почета на Загородном и пристально стал смотреть на фотографию Найдёнова Н.Н., сверяя её с фотографией капитана Палтусова.

Потом он составил списки высказываний попугая Орлика и попугая Изабеллы. Одни высказывания он подчёркивал красными чернилами, другие — вычёркивал вовсе.

Наконец, в субботу вечером он исчез из города часа на три и вернулся довольным.

Узнавание

Во время обеда Оля спросила:

— Папа, вы куда сейчас не пойдёте?

— Как? Уже новые тайны! — удивился папа.

— Наоборот. Максим попросил, чтобы я вас задержала до пяти часов. И я решила не таиться, прямо так сказать.

— И правильно. Я, например, с удовольствием задержусь, мне надо над одним узлом для нашей «Красавицы» подумать.

— А меня специально и задерживать не надо, меня и так домашние дела держат, — отозвалась мама.

До пяти Оля ходила по квартире и не могла ни за что взяться. Что ещё за гостей собирается привести Максим?

Ровно в пять раздался звонок.

Оля побежала открывать. Одновременно с ней подошли к дверям папа из своей комнаты и мама из кухни.

Первым вошёл Максим, а за ним седой Иван Петрович и его двоюродный правнук.

— Здравствуйтесь, проходите, пожалуйста, — говорил папа смущённо, не очень-то понимая, зачем их привёл Максим.

Гости степенно разделись.

— Сюда, пожалуйста, сюда, там Олина комната.

Но Максим повёл гостей именно в комнату Оли.

Седой человек сделал шаг, внезапно остановился, поглядел на Орлика и воскликнул:

— Изабелла! Изабелла, моя дорогая!

Но Орлик не обратил на него никакого внимания.

— Изабелла! — снова позвал старик. Орлик по-прежнему даже не смотрел на него.

Глядел же он на двоюродного правнука. И мелко-мелко дрожал. А потом странно подпрыгнул, взмахнул крыльями, радостно выкрикнул что-то непонятное, видимо, своё, птичье, и вдруг тоскливо проговорил:

— Милый мой, одни мы с тобой, совсем одни!

— Боже мой! Она принимает тебя за меня! — понял старик.

Папа и мама замерли в недоумении, а потом папа пробормотал:

— Неужели...

И сел на сундук. Это был первый случай в Олиной семье, когда валерьянка потребовалась мужчине.

Телеграмма

Потом, когда все сели за праздничный стол, папа несколько раз подходил к сундуку, касался его ладонью и повторял:

— Да-да, всё сходится. Всё удивительно сходится!

И мама тоже повторяла своё:

— Ты понимаешь, что мы с тобой должны были жить вместе, должны! Ведь ты был бы моим соседом.

Вечером, когда гостей проводили до метро, мама с Олей легли спать, а папа взял из старого альбома два фронтовых письма — два мятых, потёртых на сгибах треугольника, унёс их на кухню и там, в одиночестве, несколько раз перечитал их.

Ведь это были письма его отца!

Потом он оделся и быстрыми шагами направился к почте.

Там он составил такую телеграмму:

«Дорогие бабушка Анюта и дед.

Нашёл своих родителей. Они погибли в войну. Приеду, расскажу подробности».

И подписался: «Найдёнов-Палтусов».

Встреча на улице

В четверг Валя, Лида, Максим, Миша и Олег собрались у Оли репетировать выступления.

Максим повесил на двери большую красивую карту северных морей, которую рисовал всю эту неделю.

Максим начал первым. Сказал, что хочет напомнить присутствующим о том, что 20 июня 1911 года из Петербурга вышла паровая яхта «Святой Пётр» под командованием капитана Палтусова, имея на борту 16 человек и запас продовольствия на полтора года.

Затем все по очереди говорили о плавании и дрейфе судна. Максим следил, чтобы рассказывали коротко и ясно. Под конец Валя включила магнитофон с записью воспоминаний Ивана Петровича.

Седого старика тоже приглашали на конференцию. Но он объяснил, что теряется в обществе, а поделиться своими воспоминаниями доверяет новым молодым друзьям.

Максим посмотрел на часы. Выступление занимало тридцать минут. Как раз сколько надо.

Выступления всем понравились.

— Жалко, что наши не слушают, — сказала Оля.

— А мы для класса можем отдельно выступить, — ответила Валя, — меня уже директор просила, чтоб мы рассказали обо всём нашим учителям.

Максим свернул карту, осторожно обернул газетой, и все вместе вышли на улицу.

Тут Оля увидела тех самых трёх хулиганов, которые когда-то убежали от собаки Айки. Они брели по другой стороне улицы и опять громко хохотали. Потом заметили Максима с картой и пошли поперёк мостовой, чтобы преградить ему дорогу.

— Вот ты где нам встретился, — сказал самый маленький и протянул руку к карте. — Расхаживает по улице со свёртками.

— Да-да, со свёртками, — подхватил длинный, хихикнул и тоже протянул к карте руку.

— Так. Этот свёрток сейчас будет наш, — сказал третий.

Оля смотрела на них, и такими они по казались ей глупыми и мелкими рядом с их серьёзным и важным делом.

Миша Фраерман шагнул вперёд, встал рядом с Максимом в боевую стойку.

И Олег Саркисян тоже встал рядом с ними.

Девочки — Валя с Лидой шагнули вперёд. И Оля тоже поняла, что уже стоит вместе с ними и преграждает путь хулиганам.

— Да вы что? Мы пошутили. Пошутить нельзя, что ли? — проговорил длинный, увидев стену из ребят.

А маленький вдруг завизжал противным голосом:

— Подойди попробуй, я сразу милицию крикну!

Максим обошёл мальчишек, бережно держа карту, и все тоже пошли следом за ним.

Научная конференция

В пятницу утром каждый получил по почте красивый пригласительный билет на научную конференцию.

«В 18:00. Экспедиция капитана Палтусова. Поиски и находки. Сообщение» — так было написано в программе.

У входа в здание их встретил профессор Михаил Иванович.

— Главное — не смущаться, — говорил он, ведя их по коридору. — Вокруг будут пожилые люди, но они специально соберутся, чтобы послушать ваше интересное сообщение.

— Мы готовы, — ответил за всех Максим.

В полукруглом зале сидело много народу, и все смотрели на ребят. Места в первом ряду были пусты.

— Это для вас, — сказал Михаил Иванович.

Михеевы были в одинаковых рубашках в красный горошек.

Сначала, когда Михаил Иванович объявил, что с сообщением о поисках выступят их молодые коллеги, юные учёные из пятого класса, многие заулыбались.

Но Максим вышел к микрофону, пригнул его поудобней, словно ежедневно выступал на научных конференциях, и стал говорить.

Оля оглянулась на зал и увидела, что Максима внимательно слушают. Ребята выступали по очереди, как на репетиции у неё дома, и некоторые пожилые даже записывали что-то себе в блокноты из ребячьих выступлений.

А когда Максим неожиданно объявил, что теперь он хочет представить родных капитана Палтусова: внука Николая Николаевича, его жену и дочь Ольгу Найдёнову, в зале зааплодировали.

Мама и папа Оли сначала не хотели вставать, но Максим указал на них рукой, все повернулись к ним, продолжая аплодировать и улыбаться.

Им пришлось подняться, и папа смущённо сказал:

— Да это Максима надо благодарить и его друзей.

После сообщения началась дискуссия. Всех взбудоражил рассказ об острове Безветрия.

Пожилые учёные спорили почти так же, как спорили несколько недель назад пятиклассники.

Одни говорили, что капитан Палтусов был прав, когда предполагал массовую галлюцинацию. Невозможно представить, что бы в центре полярного бассейна среди безбрежных льдов был остров с зелёной растительностью и непонятными строениями.

— А вулканическая деятельность! А горячие источники на Чукотке и Камчатке? — кричали им в ответ.

— Вы ещё о ящерах в якутских озёрах вспомните, — отвечали им с насмешкой.

— Само существование острова Безветрия сомнительно, — говорили новые выступающие.

Некоторые в зале им поддакивали:

— Да-да, землю Санникова уже искали однажды.

Тут поднялся пожилой полярный лётчик, И все смолкли, потому что привыкли уважать каждое его слово.

— Пилоты моего авиационного отряда не раз докладывали мне, что, пролетая над территорией, о которой говорили ребята в сообщении, они постоянно наблюдают необычайно плотное скопление облачности. При этом должен отметить, что ни одно судно пока не проходило вблизи предполагаемого острова.

После лётчика поднялся Михаил Иванович.

— Разрешите конференцию считать закрытой, — проговорил он. — И поблагодарить от вашего имени сегодняшних докладчиков.

А вечером, когда по радио передавали выпуск последних известий, диктор вдруг объявил:

«Сегодня в Институте Арктики и Антарктики проходила научная конференция. С интересным сообщением о своих поисках и находках выступили ребята пятиклассники».

— Ого! — пошутил папа. — Вы только нос не задерите, а то начнёте спотыкаться и падать.

Визит в школу

Прошёл месяц.

В кабинет директора школы вошёл крепкий, ещё не старый человек в морском кителе.

Он назвал свою фамилию, и директор вспомнила, что недавно об этом человеке она читала в газетах — он возглавит экспедицию на самом новом и самом мощном атомном ледоколе, который только что построен. Ледокол тот назвали по имени известного полярного исследователя — «Капитан Палтусов».

— У вас учатся ребята-пятиклассники... Шесть человек...

— Я уже догадалась, кто вас интересуется, — улыбнулась директор. — Сейчас кончится урок, и вы их увидите.

На перемене капитан договорился с ребятами о встрече.

— Я не был на вашем выступлении, но мне важна каждая подробность этого плавания, — сказал капитан.

Олины родители уже привыкли за эти недели, что вечером к ним в гости приходят незнакомые люди. Приходят те, кто был на выступлении ребят, и просто полярники, пожелавшие познакомиться с внуком известного капитана-полярника.

В этот вечер ребята показали моряку все записи, и кое-что он перенёс в свой блокнот.

— Буду добиваться, чтобы ледоколу разрешили изменить курс. Хочу вплотную подойти к острову Безветрия. А там... Всё может быть! — сказал он на прощание.

Девятого мая

Девятого мая, в День Победы, на Никишкиной заимке собралось много людей. Здесь были пожилые мужчины с медалями и местные жители из ближних деревень.

Два года ребята вместе со стариком Андреем Степановичем писали письма в разные города, отыскивали бывших партизан — тех, кто бился с фашистами и жил в землянках на Никишкиной заимке.

Партизан набралось человек тридцать. Среди них выделялся седой пожилой мужчина в генеральской шинели.

За два года вместе с Андреем Степановичем ребята восстановили несколько землянок, штаб отряда. Сегодня здесь открывался Музей боевой партизанской славы.

На поляне играл духовой оркестр. Генерал — бывший командир отряда — сказал речь. За ним выступали другие: бывшие партизаны и люди, жизнь которых они спасли.

После праздника Андрей Степанович позвал генерала к себе в гости. Болота вокруг

Никишкиной заимки высохли, потому что всюду прорыли глубокие канавы, идти теперь было легко и просто.

— А что же наш воспитанник, Коля Найдёнов, не приехал? — спросил генерал.

— Хотел приехать, да как раз в Европе назначили автомобильные гонки. В честь победы над фашизмом. Его машина там соревнуется... А фамилия теперь у нашего Николая двойная Найдёнов и Палтусов.

— Палтусов? — спросил генерал с удивлением и странно посмотрел на старика. — Почему Палтусов? Откуда он взял такую фамилию?

— Нашёл наконец, свой корень. Мы уж и не надеялись... Николай Палтусов. Имя деда тоже известно, он — полярный капитан. Уплыл и пропал без вести... Но фотографии есть...

— Моего друга, погибшего командира, тоже звали Николай Палтусов. Помните, я ещё советовал: назовём мальчика в его честь. Красивое имя. Знал я его недолго, но запомнил навсегда...

— А если это он и был — Колин отец? — Дед Андрей Степанович даже привскочил. — Ваш друг кем был? Колин — командовал батальоном из ополчения.

— Это надо проверить, — сказал генерал задумчиво. — Могли быть и разные Палтусовы...

Андрей Степанович ушёл в другую комнату, порылся в бумагах и принёс фотографию молодого мужчины.

— Его отец перед войной. Коля прислал недавно.

— Да. Это он, — проговорил генерал, я с ним вместе воевал.

— А портрета матери так пока и нет... Ищет.

— Есть у меня. Я взял фотографии вместе с документами убитого командира. В конце войны документы сдал в архив, а фотографии у меня дома. Так и хранил. Думал, вдруг объявятся родственники?

— Вот и объявились. — Старик улыбнулся, развёл руками и заплакал. А бабушка Анюта, слушавшая их раз говор, уже давно рукавом вытирала слёзы.

Генерал записал адрес Найдёновых-Палтусовых. Сам он уже несколько лет был москвичом.

Через неделю Олина мама получила конверт. Там была фотография улыбающейся молодой женщины в лёгком сарафане. Фотография была аккуратно переложена бумагой, а рядом лежало письмо от генерала.

Мама увеличила эту фотографию, вставила её в рамку и поместила на стену рядом с портретами других родных.

— Завтра вернётся папа с автогонок, знаешь, как обрадуется! — сказала она Оле.

Теперь стали известны все корни семьи Палтусовых-Найдёновых.

Странная тишина

Пришла Оля домой в прекрасном настроении. Уже от двери крикнула попугаю

Орлику-Изабелле:

— Орлик, привет!

Но только не ответил ей Орлик.

В квартире была странная тишина... Оля вошла в комнату и увидела, что Орлик лежит на дне клетки.

Сначала Оля подумала, что попугай шутит. Но потом поняла, что дни старого попугая кончились — ему было больше нечего делать в жизни людей.

Радиограмма

В мае, перед концом учебного года наступила жара.

Цвела сирень, в классах сидели с открытыми окнами и щурились от яркого солнца. Девочкам разрешили ходить в школу в платьях с короткими рукавами, а мальчикам — в рубашках.

И в самые последние дни, когда уже все отметки были выставлены, а учебники пройдены, в школу пришла радиограмма.

«Борт атомного ледокола „Капитан Палтусов“» — такой был у неё обратный адрес.

«Нахожусь в сутках пути от предполагаемого острова Безветрия. Жду нетерпением высадки, неожиданных находок, встреч. Результаты сообщу непременно».

Это радировал капитан ледокола «Капитан Палтусов».